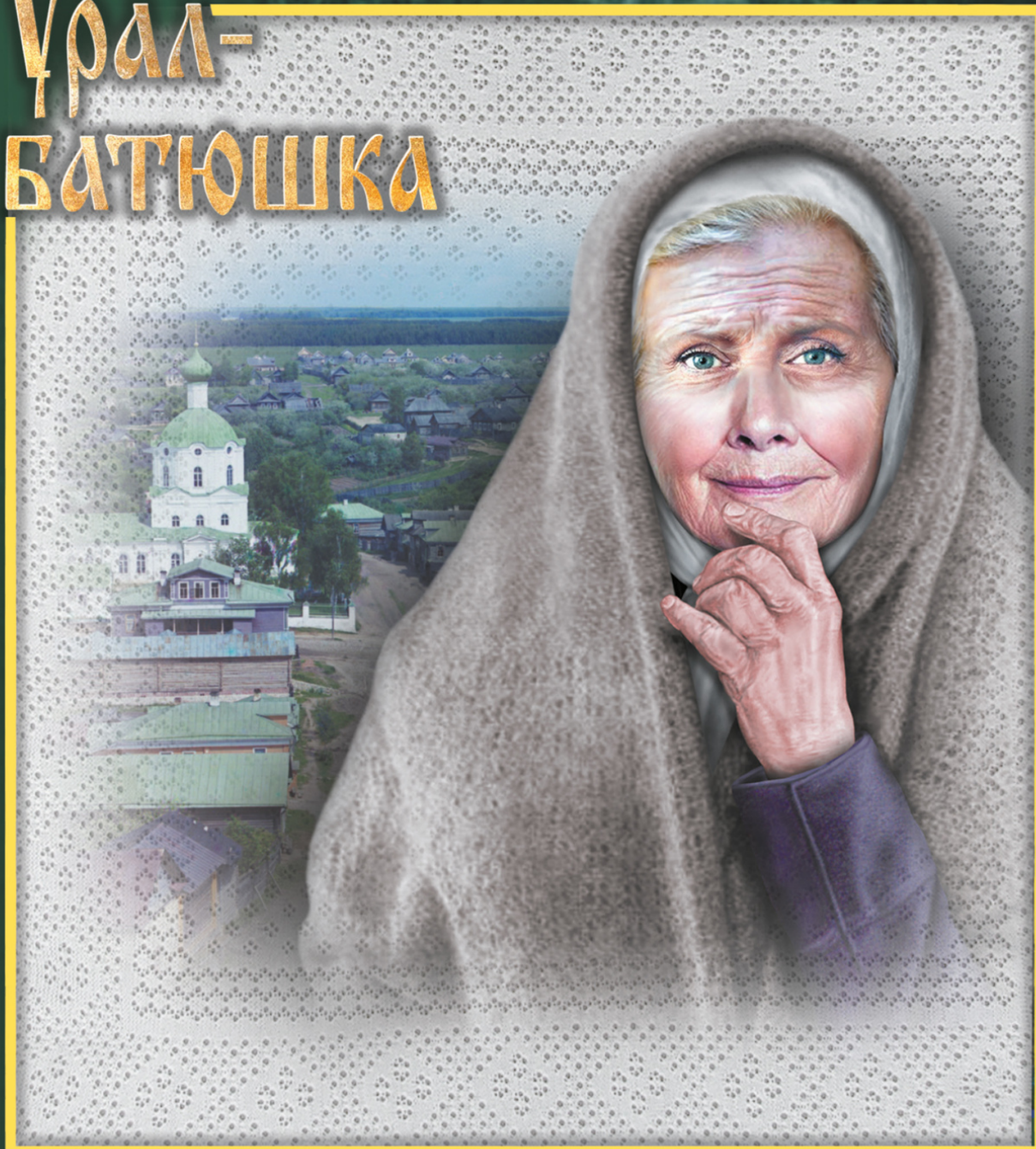

АНАТОЛИЙ САНЖАРОВСКИЙ

Урал-
БАТЮШКА

Оренбургский платок

Урал-батюшка

Анатолий Санжаровский
Оренбургский платок

«ВЕЧЕ»

2012

Санжаровский А. Н.

Оренбургский платок / А. Н. Санжаровский — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-7569-6

Героиня романа «Оренбургский платок» – вязальщица знаменитых оренбургских платков, натура самобытная, стойкая, цельная. Писатель «разрешил» ей самой поведать о своей трудной судьбе, что придало повествованию яркую, неповторимую, пленительную выразительность. В однотомник также включён роман-озарение «Взвихрённая Русь» – о великих событиях в конце прошлого века, изменивших жизнь страны. В центре повести «Что девушка не знает, то её и красит» судьбы девушки и парня, верных своей родной земле, как и их родители, оренбургские первоцелинники

ISBN 978-5-4484-7569-6

© Санжаровский А. Н., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Оренбургский платок	5
1	5
2	7
3	10
4	12
5	16
6	18
7	22
8	28
9	29
10	31
11	33
12	34
13	39
14	40
15	42
16	46
17	53
18	54
19	56
20	59
21	65
22	73
23	75
24	79
25	81
26	84
27	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Анатолий Санжаровский

Оренбургский платок

Оренбургский платок

Роман

*От чиста сердца чисто зрят очи.
Красна сказка складом, а платок ладом.
Русские пословицы*

Виктору Астафьеву посвящается

1

Всяк своему нраву работает.

В 1884 году всё наше Жёлтое спалил страшный пожар. А случилось это в лето. На первое воскресенье после Троицы. Взрослые подались в лес. Варили кашу, был общий обед. Гуляли. А детвора, поосталась что в селе, развела под плетнём огонь. И давай себе тоже варить кашу. А кругом сушь. Ветер. А дома стенка к стенке впритирку, руку не продёрнешь. Вертается народушко с гулянья с песнями да с венками, с охапками цветов шиповника и берёзовых веточек для украшения своих домов – никто своего курения не найдет. Всё погорело. Никогда наше Жёлтое тако не гарывало.

Четырнадцатилетний Фёдор, будущий батёк мой, сладил с тётушкой в Кандуровке плохонькую хатушку. Так, на кулаку стояла.

Начали помочью, всем миром-собором¹ разбирать на своз.

Только примутся подымать бревно, а у Федюшки штанишки это и бегом вниз. Всё нороят удрать. Ровно совсем тебе чужие.

Семи годков Дунюшка, дочка тех, с кем срядились, всё смеялась:

– Бештаный рак покотился в овраг! Эх ты, казара, казара!..² Казара несчастная – гармошка пятáшная.

(Бегала такая казачья дразнилка.)

А тётушка – чутьё у неё ко́щее! – и плесни:

– Не смейся, девица красная. Нету отца, нету матери. А ты не смейся. Ещё в жёны этот казара тебя дёрнет!

Девочка фыркнула:

– Фи! Побегу прямушко за таковского...

Так уж судьбе угодно было, Фёдор и Дуняша, как подросли, ломали спину на одних богачей Каргиных.

---

¹ М и р о м – с о б о р о м – вместе, сообща.

² К а з а р а – малый тонкоклювый дикий гусь.

Фёдор пахал, сеял, убирал хлеб. Убирал и сено.

Дуняша смотрела за скотиной, вязала платки.

Поглянулись молодые друг дружке. Приаукались. Сошлись в семейство.

Как-то раз солнечным днём, глядя в окно на нарядное сияние деревьев в облив³, Дунюшка и говорит:

– Вот где-то-сь здесюшки, в Жёлтом, наш куренёк... Продавали сюда. Я ещё потешалась над одним мальцом тогда. А старушка, похоже, из родни кто и посули за него пойти.

– Ё-моё! – в ответ отвечает Фёдор. – Так то, блин горелый, я был! И лёля⁴ моя! И вправде!.. Видишь, вышла ты взамуж в свой же домушку. В свой же domeц приехала и жить!

---

³ О б л и в – ледяная корочка на деревьях в период оттепели и заморозков.

⁴ Л ё л я – крёстная мать.

2

Работные дети отцу хлебы.

Судьба родителей повторяется в детях.
Я тоже вышла, за кого и думать не думала.
Ой да ну! Это потом...
Нас, игристой ребятни, навертелось аж четырнадцать душ.
Я шла восьмая.
Сколько себя помню, всё вяжу.
Чать, с пелёнок, можно сказать.
У нас как? Нашлась там у кого девчонущка, ещё глаза не пролупила, а ей уже веретёшку да спицы в руки пихают. Вот тебе игруньшки на всю жизнь!
Раз спицей наколется, в другой раз поосторожничает.
Никаких тебе магазинных кукол. Никаких тебе медведёв из плюша. Ещё в разор входить.
Проучилась я четыре класса...
А время какое?
Революция.
Гражданская война.
Сам белый атаман Дутов по нашему проходил проулку. Не с песнями... С боями!
Вскоре от тифа и голода помер отец.
На лепёшках из луговой травы далеко не вытянешь. Мамушка и отдай дом мень как за полпуда муки! Кинула мило не за мило⁵.
И пошли мы искать приюта под чужими крышами.
Пережила я...
А училась я хорошо, хоть из сажи и делали чернила, хоть и писали пером с домашнего гуся, хоть и крутился на четверых один учебник.
Любила я всякие постановки. Играла в детских спектаклях. Потом, как подбблышела, представляла в «Барышне-крестьянке», в «Бедности не порок».
Ещё ух и любила стихи со сцены!
Читала ловко. От зубов только отлетало.
В третьем уже классе так читала – раз три аршина материи дали. Голубенькая. А на ней цветочки аленькие. В виде как малинки.
Скоропамятчивая, я и досейчас помню тот стишок. Может, где чего и переверну, слово там какое не туда суну, так взыск с меня прохладный. Года-то какие сошли! Восемьдесят лет не восемьдесят прелых реп. Через плетень не плеснёшь в ровчик, как помои...
Вижу себя малушу⁶ в зале.
Вижу себя на сцене. И блажно ору:

– Ну, подруженьки, скорей!
Солнце красное взошло.
За работу мы дружня,
Пока время не ушло.
Помолись, потрудись,
Только знай не ленись.

---

⁵ М и л о н е з а м и л о – за бесценок.

⁶ М а л у ш а – маленькая.

Без нужды проживёшь
И добра наживёшь.
А чтоб добра себе прибавить,
Надо в жизни работáть,
Не сидеть самой без дела,
Да и дело разуметь.
Что за стыд, как не знать
Ни кроить, ни стирать.
Я и платье скрою,
Да и рубашку сошью.
У хозяйки всё поспело,
Надо только присмотреть.
Не сидеть самой без дела,
Да и дело разуметь.
Что за стыд, как не знать,
Как обед подавать.
Я и хлеб испеку,
Да и кашу сварю.
У плохой хозяйки дома
Ходят дети босиком.
Ни порядка, ни прибора,
Всё разбросано кругом.
Всюду сор, всякий вздор
Для хозяйки позор.
Этот дом не поймёшь
И концов не сведёшь.
А если любит кто трудиться,
Вольён тот и отдохнуть,
Погулять и порезвиться
Да и в книжку заглянуть.
Что за стыд, как не знать
Ни читать, ни писать.
Я и книжку прочту
Да и счёт поведу.
Станем дружно мы трудиться
И друг другу помогать.
Надо много лет учиться,
Чтобы что-нибудь да знать.
На других я погляжу
Да свой ум приложу.
А чего я не смогу,
То я в книжке найду.
Не страшна работе бедность,
Кто работает, тот сыт.
А кто к труду имеет ревность,
Бог того благословит.
Будем шить, будем мыть,
Будем денежку копить.
И себе я сберегу,

И родным помогу.

Вот за этот стих отгребла я в полном количестве три аршина ситца.

Т о г д а это было сказкино богатство.

А почему это стихотворение я распела сейчас? Потому, наверно, что я скоро не стану.
Пускай мой стишок останется. Пойдёт к живым. Его ж никто не знает, кроме меня...

Ну... Откричала я своё. Клуб зашумел ладошками.

Все в зале всё ахали от восхищённости:

– Оё-ё! Ох и варовей!⁷

– Видать, эта пройдохой будет!

---

⁷ В а р о в е й – проворная девка.

3

Рукам работа – душе праздник.

В 1927 году слепили у нас шальную артель⁸ «Жёлтинское товарищество».

Все наши сразушко и качнись в эту лавочку.

Она снабжала нас пухом, нитками.

А мы знай работай платки.

Девушкам больше всех вываливалось гнуть позвонки. Днём дома, а с вечера до трёх часов ночи, когда начинается уже луниться⁹, вяжешь на посиделках.

Посиделки – это, думаете, что? Шалман? Кильдим¹⁰ какой чумовой? Блудилище какое там? Половецкие пляски да скачки в обжимку с пламенными ухажёриками? Не-е-е...

Божечко мой!

Да вернись я с тех посидёнок без каймы, матуля туточки тебе сразу сымет строгий и погорячливый спрос, почему это кайма недовязана. В другой раз и не пустит.

А вязали мы крепко. Вакурат¹¹ машины.

Старались к работе.

Хочешь больше иметь – надо больше уметь!

По книжкам, на платок кинь двести пятьдесят семь часов чистого времени. У нас же как неделя, так и платок.

А чтобушки¹² выбегало подешевле, девчонки всклад собирали на общий керосин. Сидели вместе в одной хатёнке и вязали, вязали, вязали...

Вот у нас слилась своя дружина.

Лиза Андреева, Маруся Ильина, Пашаня Фёдорова, Фёкла Миронова, Луша Радущина, я, Федюня Ульванова, померла, сердешная. Потом вот ещё Наташа Самойлова. Тоже примёрла...

Что его другим жалость подавать?

Тут сама по коленки уже в земле.

Полный ведь год с верхом кисла я у дочки слепошарая¹³. Натолкалась на операцию. Сделали операцию на правый глаз. А левый с обиды, что ли, забастовал. Ничего не желает видеть! Всего ж двадцать процентов вижу и рука трясётся не знай зачем. Намахивает и намахивает без передыху даже на обед. Ну совсемко полоумная... Сядешь есть, весь стол уработаешь едой. Перед кошкой дажь совестно.

Отгоревала я вся. Отошедший, бросовый уже человек...

А платки-то всё поманеньку наковыриваю.

Не могу отвязаться от этой сахарной гибели.

Даве вот сильно болела. Упала и расшиблась. Повредила оперированный глаз. Читать книгу не вижу. А и почитай кто, всё равно не слышу.

И слепая, и глухая – весь и приработок всей жизни. Выслужила-то у жизнёнки всего лише две горькия медалюшки. Прожила век ни за гусиный кек...¹⁴ Одно только заточно и получишь – валунок...¹⁵

---

⁸ Ш а л ь н а я а р т е л ь – артель по производству пуховых платков, шалей.

⁹ Л у н и т ь с я – рассветать.

¹⁰ К и л ь д и м – дом, где собирается молодёжь лёгкого поведения для вечерних развлечений.

¹¹ В а к у р а т – точно.

¹² Ч т о б у ш к и – чтоб, чтобы.

¹³ С л е п о ш а р а я – слепая.

¹⁴ Прожить век ни за гусиный кек (пословица) – напрасно прожить жизнь.

¹⁵ В а л у н о к – могильный холмик.

Прошрое не завернёшь, как оглоблю. А что будет, увидим. Слепуге это в большо-ой интерес.

В Жёлтом я одна. Еле хожу. Дети зовут. Но неохота от насиженного гнезда уползать. Хотя и вся такая отжилая.

Померк бел день, и ты на целый уже шажок ближе к краю.

Нет-нет да и словишь себя на том, что дубоватые ржавые пальцы сами развязывают потайной похоронный комок, в бережи перебирают-гладят последнюю одежонку, в чём уходить от живых. Зараньше собрала всё потребное. Не бегать потом дочке-сыну, как падёшь...

«Жить – скверная привычка». А не отвыкается...

Потихошеньку отходят наши...

Сиротеем, сиротеем мы...

4

Ешь с голоду, а люби смолоду.

Жила я двадцатую весну.

Это вот сейчас иной раз в зеркало робеешь глянуть. А тогда я была не так чтобушко красавица, но очень симпатичная. Фигурка ловкая. Талия в рюмочку.

Что ни надень – всё моё, всё по мне, всё на мне ладно улыбается. Будто Аннушке и справляли.

Плетея я была первая. Пускай наша разогромная семья не знала полного достатка, одевалась я таки по моде. Любила набодряться¹⁶.

Узенькая, длинная тёмная юбка. В неё подзаправлена белая кофточка-кира́ска с застёжками на боку и поверх лаковый ремешок.

Волосы я наверх зачёсывала.

Лилась по мне коса толстая, чать, ниже пояса. Ну прямушко вот так! В косе лента нонь одна, назавтра другая.

Женихи вкруг меня вились, как пчёлы у свежего цветка с мёдом.

Тогда женихи были ой да ну!

Не то что лишнее слово сказать – рта боялись открыть.

Какой я, девка-ураган, на них гипноз имела, до сегодня понять не могу.

Был у меня Лёня.

Высокий такой. С хорошего бугра отовсюдушку видать. Ум отъешь какой красовистый. Глаза весёлые. И стеснительный-стеснительный.

Мой мялка¹⁷ пас стадо. Я звала его пастух мой овечий.

Бежишь на посидки¹⁸. А нарядишься вроде на свадьбу.

Короткая, тоненькая веретёшка уткнулась носом в блюдечко на коленях, вертится без шума. Прядёшь... Что мне прясть? Пряли б волки по закустью да мне б початки знай подноси. Только что-то не несут. На́добе самой прясти.

Прядёшь пух, а сама раз по разу зырк, зырк, зырк в шибку. Не замаячил ли?

Пора бы и прийти – ребят всё ни одного.

Грустно так станет да и затынешь.

По части песен, частушек я, песельница, была оторвибашка. Самолично всё сочиняла.

Голос у меня сильный. С первого класса до замужества пела в церковном хоре на клиросе. Пела и в клубе. Ло-овкая была спеваха.

Запечалимся да и заведём всем девишником:

– Пряди, пряди, веретёнце,
Пряди, не ленись.
Вейся, вейся, нитка, тonyше,
Тоньше и не рвись.
Чтоб свекровка, злая мать,
Не могла сказать:
«Нитки толсты, нитки плохи,
Не умеешь прясть...»

---

¹⁶ На б о д р я т ь с я – наряжаться.

¹⁷ М я л к а – нерешительный парень.

¹⁸ П о с и д к и – посиделки.

А ребят всё нет как нет.
С вечора не должны б забыть дорогу.
Может, заблудились?
Ну и блудите!

И давай распекать их в подергушках-повертушках¹⁹. Не надобны нам такие раздуша-
тушки!

– Ах, бывало, вокруг милова
Я, как веточка, вилась.
А теперя, как водичка,
От милова отлилась.

За Лизой чудит Федюня:

– Через Мишу свет не вижу,
Через Петю хлеб не ем.
Через Васю дорогого
С ума спятила совсем.

А Луша:

– Куплю ленту в три аршина,
К балалайке привяжу.
Тебе, милый мой, на память,
А я замуж выхожу.

А Фёкла:

– Треплет, треплет лихорадка,
Треплет милова мово.
Затрепи его сильнея
За измену за ево.

А Маруся:

– Ты не стой у ворот,
Не приваливайся.
За тебя я не пойду,
Не навяливайся.

Не отламывала жали и я своему Лёне.
Как гаркну не на всё ль Жёлтое:

– Невесёлый нынче вечер.
Не пришёл пастух овечий!

---

¹⁹ Подергушка, повертушка – частушка.

А грешила.

Не было вечера, чтобушки не пришёл.

Задержится, глядишь, со стадом. А пойдёшь про него, а как зачни душа душу звать – вот он уже спешит-идёт, каблучками стёжку жгёт. Вот уже на пороге, заносит скорую весёлую ноженьку через порожек и улыбается, улыбается, улыбается.

Да не один. С дружками да с гармошкой!

Всвал покидают девчата в угол спицы, мотушки²⁰, веретёна. Ой, устали! Погляньте, как устали! Ой, отдыхать!

Задуют лампу да и айдатеньки всей брехаловкой в проминку по Жёлтому с песнями под гармошку.

Парубки затягивают первой свою наилюбимую:

– На крутом бережку у Яикушки...
Там случилось диво дивное:
Оженился там молодой казак,
Взял невесту себе саблю вострую.
Как свахи его сестры родные:
Самара, Уфа и Исеть-река.
Обвенчала его кровь горячая,
В поезду-то был разворонный конь.
И родился у них, у четы молодой,
Оренбургский казак, богатырь удалой.
Стал по бережку он тут похаживать,
Орду поганую поколачивать.
Правой ручкой махнёт – улица,
Левой ручкой махнёт – переулочек...

У Лёни была своя любимая песня. Вот эта...

Правда, сам он не пел. Всё стеснялся.

А вот послушать любил.

Ветер по полю шумит,
Весь казак в крови лежит
На кургане головой
Под осокою речной;
Конь ретивый в головах,
А степной орёл в ногах...
«Ах, орёл, орёл степной,
Побратаемся с тобой.
Ты начнёшь меня терзать
И глаза мои клевать.
Дай же знать про это ей,
Старой матери моей.
Чуть начнёт она пытаться,
Знай о чём ей отвечать.
Ты скажи, что вражий хан
Полонил меня в свой стан,

---

²⁰ Мотушка – клубок пряжи, ниток.

Что меня он отличил
И могилой наградил.
С сыном ей уже не жить
И волос ему не мыть.
Их обмоет ливень гроз,
Выжмет досуха мороз,
И расчешет их бурьян,
И раскудрит ураган.
Ты не жди его домой,
Зачерпни песку рукой
Да посеи, да поджидай,
Да слезами поливай.
И когда посев взойдёт,
Сын на Родину придёт!

Побрались за руки. Невспех идём себе. Идём...
Кто поёт, кто подпевает.
А кто и пенье милованьем сладит...
Не беда, какая парочка споткнётся. Приотстанет.
Через минуту-другую нагоняют. Рады-радешеньки. Сияют. Поцелуй нашли!
А у меня с робким Лёней – ну тишкину мать! – ни находок, ни разговору. А так... Одни
междометия... Горькия...
А каюсь...
В корявой башке моей всё свербела сладкая теплиночка:

«Миленький мой Лёнька,
Мой хороший Лёнька,
Ты за талию меня
Потихоньку тронь-ка!»

Да куда!
Мой сватачок²¹ читать мысли мои не мог и на самом близком отстоянии. А по части
троганий и вовсе не отважистый был.
Крепче всего выходило у него багровое молчание.
По лицу вижу, вкрай зудится что сказать. Да рта открыть смелости Боженька не подал...
А и то ладно. А и то сердечку отрада...
Погуляем с часочек, там и вновки²² делу честь.

---

²¹ С в а т а ч о к – женишок.

²² В н о в к и – снова.

5

Изнизал бы тебя на ожерелье да носил бы по воскресеньям.

Княжил тёплый май.

Цвели ромашкишки.

Из села Крюковки – это такая дальняя даль, где-то на Волге, под Нижним, – понаехали мастеровые строить нам станцию.

Бегал там один дружелюбный гулебщик с гармошкой.

Исподлобья всё постреливал.

А наведу на него смешливый свой глаз – тут же отвернётся.

Поначалу отворачивался, отворачивался.

А потом и перестань.

На обкосках²³ подступается, шантан ты заberi, с объяснением:

– Говорю я, Нюра, напряминку... Человек я простой...

– Что простой, вижу. Узоров на тебе нету.

– Знаешь, Нюра, как ты мне по сердцу...

– Кыш, божий пух! – смеюсь. – Кыш от меня!

– Чать, посадил бы в пазуху да и снёс бы в Крюковку...

– Ой, разве? Чирей тебе на язык за таковецкие слова!

– Да-а... Такая к тебе большая симпатия. Не передам словами...

– А чем же ты передашь-то? Гармонией?

Осклабился. Только зубы белеют:

– Нет. И гармонией не могу.

– Тем лучше. Ничего не надо передавать. У меня и без тебя есть парень!

А он, водолаз, напрямки своё ломит:

– Ну и что ж, что парень. Он парень, и я парень.

Заложил упрямец начало.

Стал наведываться на посидёнки.

Играл Михаил на гармошке-резухе трепака, казачка.

Плясали как! Будто душу тут всю оставили...

Сормача играл...

Играл всё старые танцы.

А мы знай танцевали. Хорошо танцевали. Не то что ноне трясогузки трясутся да ногой ногу чешут.

Как ни увивался, не посидела я и разу рядом с нижегородской оглоблей. Так я его звала, хоть был он невысок.

Сладили крюковские нам новую станцию.

По лицу здания, поверх окон, из края в край во всю стену мастеровато вывел Михаил толстой кистью чёрно: *«Этот дом штукатурил Блинов Михаил Иванович в 1928 году»* (как пойду в лес по ягоды, увижу, вспомню всё, наплачусь – тонкослёзая стала), написал и объявился ввечеру на посиделках. Манит эдако пальчиком на улицу:

– Нюронька! А поть-ко, поть-ко сюда-а...

– Ну!

Я как была – шоком²⁴ на крыльцо.

---

²³ Обкоски – гуляние в честь окончания сенокоса.

²⁴ Шоком – очень быстро.

Иду, а он загребушие моргалки свои бесстыжие и на момент не сгонит с меня. От девчат мне даже совестно.

– Оглобелька, – в мягкости подкручиваю. – Ну ты чего уставился, как голодный зайushка на чужу капустку? Лампочки ломаешь...

– Не бойся, не ломаю.

– Ну, ты зачем приявился?

– Попусту, Нюронька, и кошка на солнце не выходит.

– С кошкой дело ясное. А ты?

– А что ж я, глупей кошки?

– Тебе лучше себя знать. Так что там у тебя?

– А всё то же... Я те, Нюронька, гостинчик принёс...

И достаёт из пузатенького кулька одну круглую печенюшку.

В опаске протягивает – не беру.

– Брезгуешь? Я и не знаю, как ты и потчевать, Нюронька...

Вывалил весь кулёк на стол под яблоней.

А я и не подойди к тому печеню.

Видит он такой кислый пустопляс, покачал головой, протяжливо вздохнул да и побрёл к куреню, где квартировали крюковские.

6

Девичье «нет» не отказ.

Через недельку так нашла я копеечку орлом.
К письму.
Почтарка в тот же день исправно занесла.

Первый писать решился я Вам невольно.
Любовь заставила меня.
Она уж давит сердце больно,
Прошу выслушать меня.
Зачем я поздно встретил Вас?
С тех пор нигде не нахожу веселья...

И так далее.
Всё письмо вот в таких в стихах.
Ну полный тебе колодец слёз! Слезная картинка.
Не думала, что любовь и штукатуров делает стихоткачами. Ну да какой попрек выставишь? Чем горел, то в отчаянье и плеснул на бумагу.
Потом – пустая голова ну хуже камня! – скачнулся засылать из своего Оренбурга подарки. Духи, пудру, платок шёлковый, башмаки козловые...
Я всё смеялась на его письма.
Накрутила и сама одно. Мол, не пиши и зря не мечтай. Я не кукла-дергунчик. Не томоши боль меня.
Но до него моя грамотка не добежала. Перехватил расхлыстанный женатик попович. Соседец наш.
Крутощёкий любосластный попич уже и ребятёнка скулемал на свой образец. Двугодок сын рос.
А при встречах этот тумбоватый ляля²⁵ отдувался и не забывал всё петь мне про своё божье любовдружие, что не чета человеческому.
– Знаешь, хорошуля, когда ты проходишь околь нашего окна, всё во мне холонет. Становлюсь совсемко плохак. Я дажно ложку роняю за обедом! Так вот... тому давно... как люблю тебя...
– Крепше, докучатель, дёржи! – на смеху отбивалась я.
– Отщипни мне хоть крошечку верки...²⁶
– Тебе верки, что серке!²⁷
А намедни, ёшки-переёшки, какую отвагу себе дал? Эвона куда жиганул! Возьми храбродушный да и бухни:
– Крашонушка!²⁸ Я тебе по чесноку²⁹ доложу... Без тебя худая жизнёнка моя, как у седьмой жены в гареме... Айдаюшки, хорошава, убежим куда-нить?! А?
Меня так и охлестнуло жаром:

---

²⁵ Л я л я – прозвище изнеженного и неповоротливого парня.

²⁶ В е р к а (здесь) – доверие.

²⁷ С е р к а, с е р ы й – волк.

²⁸ К р а ш о н к а – крашеное яйцо на Пасху.

²⁹ П о ч е с н о к у – по-честному.

– Шас! Только валенки вот зашнурую и побежим!.. Толечко зачем же куда-нибудь, неразборчивый? Ты твёрдый маршрутко выбрал?

– Выбрал! Выбрал!! Не долбень какой... Парнишок я донный. Всё прошёл. На дорожку на мою не зобидишься... Потайнойходец знаю!

– К Боженьке на небо?

– Ну-у... У ты, милуша, язычок... Обжог!³⁰ Чего хмылиться, просмеятельница? Нам туда рановатушко. Да и покуда не званы-с. Нам, дорогомилая, абы ото всяческих глаз поодаль...

– Цо-опкий шуруповёрт!.. Ну чё со всей дури мелешь? Иль у ты вся тормозная жидкость совсем повытекла? Бежал бы, ненажорливый дрыхоня, лучше спатушки. Не то ссохнешься, боров толстомясый!

– Ну-у, топотунчик, сердчать не надо. Действует на красоту... Да, за щёку я помногу кидаю. Так оттого цвету! Иша, лобан³¹ какой! Разь худо, когда мужик налиток?³² Со мноюшкой ты б каталась, как на блюде. Хо-ольно б жила-была как у Христа за пазушкой...

– Или ты, лупёрда³³, савраски³⁴ перехлебнул? Ну с больша это ума, болток, подсаживаешь меня в чужу пазуху? Христа-то с пазушкой не путлай сюда. Можь, ты Библией тюкнутый иль праздничным транспарантом?

– Ну, на кой ты, любопышечка, всхомутала на меня эту небыль? Библия меня не вманила и не вманит, как мой отче ни ловчи. С Библией мы в полном разводе. Так что ей бить не меня. И транспарантам не ломаться об мой хипок. По праздникам я на гуляшках из степенства не выпадаю.

– Какие мы святые...

Я отступно помолчала.

Поменяла песню да снова и полезь в раздоры:

– Ты к Боженьке на ступеньку ближе. Должон знать. Скажи... Вот в молитвах просят: «Хлеб наш насущный дай нам днесь». А почему просят-то каждый-всякий раз лише на один денёчек? Боже наш, хлебодавец, весь в бесконечных потных трудах! А чего не напросить хлеба сразушко на всю жизньюху?

– А зачерствеет! – и бесстыже, котовато так шурится.

Пыхнула я:

– Меньше, попёнок, жмурься! Больше увидишь!

– А всё надобное, ладуня, я так лучша вижу.

– Ой, балабой! Ой и балабо-ой! Иль у тебя одна извилина да и та след от фуражки?

Воистину, поповские детки, что голубые кони, редко удаются.

Плонула я в зле дуботолку этому под ноги да и насторонь.

К дому.

Он следом пришлёпывает. Знай стелет своё:

– Другонька... Скоромилушка... Ёлы-палы... Ну чего в руганку кидаться? Чего кураж возводить? Чего купороситься?³⁵ Чего опостыляться?³⁶ Хорошество не вечно. Я тебе напрямок рубну... Кончай выкидывать брелики!³⁷ Смотри, ломака, года сбегут от тебя красные, докапризничаешься, недотрожка, до лишней!³⁸

---

³⁰ О б ж о г а – крапива.

³¹ Л о б а н – здоровый, крепкий человек.

³² Н а л и т о к – полный человек.

³³ Л у п ё р д а – толстый, неповоротливый человек.

³⁴ С а в р а с к а – самогон.

³⁵ К у п о р о с и т ь с я – капризничать.

³⁶ О п о с т ы л я т ь с я – ссориться.

³⁷ В ы к и д ы в а т ь б р е л и к и – капризничать.

– Те-то что за заботушка? Гли-ка, нелишний. Прямо нарасхап, несчастный оббегляк!³⁹
Глянь спервачка на себя, мотыга!⁴⁰

– А что?

– А то! Гляжу я тебе в ряшник, а наскрозь вижу затылок. Эвона до чего ты, шныря, пустой! И все гайки у тебя в бестолковке⁴¹ хлябают! Будешь ко мне колья подбивать – пожалеешь.

Глухой мокроглазой осенью наявляется Михаил.

Знает, где меня искать. Сразу на ночевушки⁴².

Только он через порог – мы все так и расстегни рты настезь.

Вот тебе на-а!..

Разоделся в струночку! В лаковых сапожках. В троечке... Ха! Припавлинился!

Так у нас в Жёлтом не ходят.

Подружка моя Лушенька Радущина, – а была Лушенька ртуть-человек, девчоночка хорошенкая, как хрусталик, – прыг только на скамью, приветно затрещала:

– Песня тогда красивит, когда её поют!

И повела:

– Много певчих пташечек в наших лесах.

Много красных девушек в сёлах-городах.

Загоняй соловушку в клеточку свою,

Выбирай из девушек пташечку-жену.

Все наставили глаза на меня.

Ждут не дождутся, что же я.

А я во весь упор вежливо смотрю на невозможного раскрасавца своего и – ах-ах-ах! – представляю, как бы должна сильно ресничками хлопать, раз сердечушко при последних ударах.

Только чувствую, не трепещет моё серденько.

Тут Лушенька толк, толк меня в плечо. То ли Красику⁴³ кажется, кто его невеста, – а ну ошибётся в выборе? – то ли мне велит спохватиться.

Растерялась я.

Первый раз в жизни растерялась девка-ураган.

Это им так на первые глаза казалось, как потом говорили мне. На самом же деле, ещё с секунду, я б упала со смеху.

До смерти распотешил меня весь этот концертишка с важнящим женихом.

Вижу, зовёт несмелой рукой на двор.

Я и выскочи эдако небрежно с единственным желанием отбить непутёвому гулебщику охоту вестись за мной. Пора закрывать эту прокислую комедию!

– Ну что, Н-нюра?.. Ты... с-с-согласишься?..

– Сбегать за тебя? – полосонула под занозу. С язвой.

---

³⁸ Девушку, не вышедшую до 21 года замуж, раньше на Урале считали в семье лишней.

³⁹ Оббегляк – муж-изменник.

⁴⁰ Мотыга – ветреный человек.

⁴¹ Бестолковка – голова.

⁴² Ночевушки – посиделки.

⁴³ Красик – щёголь.

– На коюшки торопиться?.. Чего бегать?.. – Слышу, в голосе обида плотнеет. – Впросто выйти... Не на день... Да... Я хочу на те жениться...

– Всего-то и кренделей?

– Да-а... Вон все наши... Тятяка, дядья там... Затепо уже покатили назад в Крюковку. А я за тобой и заверни...

«Да можно ль быть таким наянливым?»⁴⁴ Ну тишкину мать! Вот Господь слепца навязал! – про себя взлютовала я. – Оно, конечно, сладкая конфетка чесотка. Почесался и ещё хочется. Но – будя!»

А ему в открытку полоснула:

– И не думай, и в уме не содержи! Ты мне нипочём не надобен. За тридцать девять земель в тридешатое царствие я дажно и не собираюсь ехать.

Натутурился⁴⁵ он, опустил лицо:

– Н-н-ну, что ж... З-знать, не подберу я с тобой о-о-общий язык... В-в-воля твоя... Насилкой в м-м-милые н-не в-в-въедешь...

---

⁴⁴ Н а я н л и в ы й – надоедливый.

⁴⁵ Н а т у т у р и т ь с я – нахохлиться.

7

Глубину воды познаешь, а душу женщины – нет.

Побыл Михаил до конца посиделок.

Молчаком идём к нам – какой гостильщик ни пустой, в ночь в дорогу не погонишь, – а моя Лушенька напрямуху и кольни:

– Жених, а жених! Жениться приехал. А шелестелок много? Невеста у нас не голёнка⁴⁶. Вечёрку ладить будешь?

– Хватит и на вечеруху. Закатим такой разгуляй-люляй!.. Все листики на деревьях будут пьяные впополам! Хватит и на свадьбу. Пятьдесят два рубляша! Золотой сезон!

Денежки эти и в сам деле королевские. Две самолучшие купишь коровы и на магарыч ещё с лихвой достанется.

Вот и наш курень.

Открыла дверь мама.

Завидела незнакомца, с испугу вальнула к стенке.

– Кто это? – шепнула.

Я пожалала плечами. Приснула в кулак Луша.

– Ма, – успокаиваю я, – да не пугайтесь Вы так гостя! Не доведу... Пускай до утреннего побудет поезда. А я пойду к Лушке.

– Об чём речи...

Мама накинула свету лампе, мерцала у неё в руке. До крайности размахнула дверь в боковушку и подняла на Михаила приветливые глаза:

– Проходите, проходите, гостюшка...

Поставила на стол лампу рядом с будильником, лежал вниз лицом.

– Оно, конечно... – Мама взяла весело цокавший будильник, близоруко глянула на стрелки. – В три ночи горячими пельменями не попотчую гостюшку. Но кружка молока същется.

Михаил конфузливо попросил:

– Не надо... На свехосытку ж... Я даве ел...

В ласке возразила мама:

– Я не видала, гостюшка, как Вы ели... Покажете...

Опустила будильник на ножки. Вышла.

Пала тишина.

Слышно было, как удары будильника с каждым разом всё слабели. Будто удалялись.

– Сейчас станет, – в удивленье обронил Михаил.

– Всебеспременно! Далёкого дорогого гостеньку, – сыплю с холостой подколкой, без яда, – застеснялся. Гмм... Навовсе, блажной, заснул. Только что не храпит. Разбужу...

Я пошлёпала будильник по толстым щекам.

Молчит.

Не всегда просыпается от шлепков. Одно наверно даёт ему помощь – положить вниз лицом.

Будилка у нас с припёком. Настукивает только лёжа. Вот взял моду. Всех побудит, а сам всё лежит лежнем!

Перекувыркнула – зацокал!

---

⁴⁶ Г о л ё н к а – невеста без приданого.

В близких минутах вшатнулась мама с полной крынкой вечерошной нянюки⁴⁷. Налила доверху в кружку. Потом внесла на рушнике пышную, подъёмистую кокурку⁴⁸.

– Прошу, гостюшка, к нашему к хлебу. Всё свежѐ... – Высокую уёмистую кружку с молоком мама прикрыла хорошей краюхой кокурки. – Присаживайтесь к столу... Стесняться будете опосля.

Михаил вроде как против хотения – в гостях, что в неволе, – подсел к еде.

Мама заходила стелить ему на сундуке.

– Покойной ночи, Михал Ваныч! – рдея, пропела Луша.

– Заименно, девушки, – на вздохе откликнулся Михаил и заботливо засобирав мякушкой со стола крошки. Нападали, когда мама резала кокурку.

Мы с Лушей выходим.

На улице пусто, тихостно, темно. Нигде ни огонёшка.

Только у нас смутно желтело одно окно.

Луша посмотрела на то чахоточное окошко долгим печальным взглядом. Усмехнулась.

– Луш! Ты чего?

– Чудно... Жениху стелют в доме невесты. А невеста в глухую ночь – из дому!

– Не вяжи что попыдя. Какая я невеста?

– Нюр! А не от судьбы ль от своей отступаешься? Парняга-то какой!

– Ну, какой?

– Скажешь, тупицею вытесан?

– Вот ещё...

– То-то! Чеснотный... Не гульной... Любочтительный... С лица красовитый?... Красовитый. Есть на что глянуть. Умный?... Умный. Не подергустой⁴⁹ какой... Работящей?... Работящей. Не вавула...⁵⁰ Рукомесло при нём в наличности. Не отымешь. Штукатур на отличку! Руки у парня правильно пришиты! Сюда ж клади... Не мотущий⁵¹. Правда, малешко вспылчивый, так зато обрывистый⁵². Пыль его бы-ы-быстро садится... Пыль присела, и он уже не кирпичится... Зла ни на кого не копит... Весёлый. Гармонист. Танцор. Обхождением ласковый... Обаюн...⁵³

– Стоп, стоп, стоп! Когда ж ты всё это разглядела?

– А вот разглядела... Хорошенько сто раз подумай, чтоб не вышло, как у той... Рада была дура, что ума нема, откинула от себя золотого кадревица. А потом возжалела... Сама кинулась за ним ухлёстывать, только голяшками сучит⁵⁴. Да внапрасно... Подумай, ну чем Блинов не взял?

– Я давно-о, Луша, подумала. Есть любодружный Лёня. Большь мне никого не надобе.

– Лёня да Лёня! Что в Лёне-то?

– А то, что в третьем ещё классе сидела с Лёнюшкой за одной партой!

– Хо! Стаж терять жалко?

– Жалко.

– А ты не жалей. В пенсионный срок могут и не зачесь! А что касаето меня... Когда я в первый раз увидала его, сердечко у меня ахнуло... Вот выбирай я... Чёрные глаза – моя беда. Я б потянула руку за Михал Ваныча. У Михал у Ваныча глазочек – цветик чернобровенькой...

---

⁴⁷ Нянюка – кипячёное молоко.

⁴⁸ Кокурка – белый хлеб, испечённый на постном масле.

⁴⁹ Подергустой – непостоянный, легкомысленный.

⁵⁰ Вавула – лентяй.

⁵¹ Мотущий – расточительный человек.

⁵² Обрывистый – отходчивый.

⁵³ Обаюн – человек, умеющий говорить ласково, льстиво.

⁵⁴ Голяшками сучить – быстро бегать.

– Э-э, мурочка любезная! Суду кое-что ясно... Суду кое-что ясно... Повело кобылку на щавель... Похоже, потаёница, скоропалительно врезалась? Во-он чего ты светишься вся, как завидишь его! Во-он чего дерёшь на него гляделки! Стал быть, иль нравится?

– Наравится не наравится... Ох-охонюшки... Высокуще висит красно яблочко... Не дотянётся... Тут, Нюр, ни с какого боку паровой невесте⁵⁵ не прищипиться. Да только увидь он мои кособланки...⁵⁶

– Кончай этот придурёж! Не жужжи наговор на свои царские стройняшечки!

– И всё равно... Не приаукать мне Михал Ваныча. За тобой, за горой, никого не видит... Белонег...⁵⁷ Везучая... До тебя Боженька пальцем дотронулся... Красёнушка писаная совсемуще омутила печалика...

Где-то на дальнем порядке кипел лужок⁵⁸. Несмело ударила гармошка, и парень запел вполсилы. Трудно, будто на вожжах, удерживал свой счастливый бас:

– На паркетном на полу
Мухи танцевали.
Увидали паука —
В обморок упали.

Луша было снова поставила тоскливую пластинку про Михаила.

Я оборвала её:

– Да кончай же этот угробный трендёж! Ну, закрой свою говорилку. Не шурши... Ты только послушай, что поют!

Подгорюнисто жаловалась девушка:

– Тятка с мамкой больно ловки,
Меня держат на верёвке,
На верёвке, на гужу,
Перекушу и убежу.

– Счастливица... Есть к кому бежать, – вздохнула Луша.

Парень вольней пустил гармошку.

Взял и сам громче, хвастливей:

– Запрягу я кошку в дрожжи,
А котёнка в тарантас.
Повезу свою Акульку
Всем ребятам напоказ.

Девушка запечалилась:

– Меня маменька ругает,
Тятка больше бережёт.
Постоянно у калиточки
С поленом стережёт.

---

⁵⁵ Паровая невеста – девушка, которую долго никто не сватает.

⁵⁶ Кособланки – кривые ноги.

⁵⁷ Белонег – красивая, нежная девушка.

⁵⁸ Лужок – молодёжное гулянье на улице.

И тут же ласково, требовательно:

– Барбарисова конфетка,
Что ты ходишь ко мне редко?
Приходи ко мне почаще,
Приноси чего послаще.

С весёлым, посмеятельным укором ответ кладёт парень:

– Ах, девочки, что за нация!
Десять тысяч поцалуев – спекуляция!

– Кому десять тысяч... А кому ни одного... – противно нудила Лушка. – Справедливка где-то заблудилась... Ну и блуди... Что мне, совсем край подпал уж замуж нестерпёж? А-а... Где уж нам уж выйтись замуж? Мы уж так уж как-нибудь...

И расстроено, в печали проронила по слогам:

– На узенькой на лавочке
Сидят все по парочке.
А я, горька сирота, —
На широкой, да одна...

– Это дело исправимо, плакуша. Так, значит, не видит тебя? – подворачиваю к нашему давешнему разговору. – Выше, подруженица, нос! Теперь завидит! Объяснились мы с ним нынче. По-олный дала я ему отвал.

– Не каяться б...

– Ни в жизнь!

Мы вошли в радушинскую калитку.

Из будки выскочил пёс с телка. Потянулся. Лизнул мне руку – поздоровался. Знает своих. Снова доплескалось до нас девичье пение. Жалобистый голосок:

– Полюбил меня и бросил,

Я теперь плыву без весёл...

Уже на порожках остановила я Лушу. Усмехнулась:

– Ну, горюешь по своим вёслам?.. А что... Раз по сердцу, чего, поспелочка, теряться? Ловкий подбежал случай... Не выпуска-а-ай, Жёлтое, такого раздушатушку!

– Ну-у... Ты, посмешница, всё с хохоташками. Всё б тебе подфигуривать⁵⁹. А я, не пришей рукав, что, сама навяливайся? И как?.. Так и фукни в глаза: «Здрасте, Михал Ваньч! Знаете ли вы, что я выхожу за вас замуж?!»

– Чего мелешь? Иль у тебя чердак потёк? Не модничай!

– Всё одно поздно уже. Чё в пустой след лясы строчить? Впозаранок, на краснице⁶⁰, встанет, поспасибничает да и кугу-у-ук! Аля-улю на Губерлю!

– Не спорю. Встать-то он встанет. Никуда не денется. Выгостит до утра. А вот по части поезда... Это ещё как мы, подружешка, возрешим.

---

⁵⁹ Подфигуривать – подсмеиваться.

⁶⁰ Красница – заря.

– Нет уж, Нюр. Ничё не надо решать.

– Понимаю... Ты не айдашка⁶¹ какая... Не рука тебе, поскакуха, с ним первой заговаривать. Неловко самой барнаулить...⁶² Так на что ж тогда я? Кто я тебе? Названная сестра или пустое место? Шуткой, пробауткой – это уж моя печалька как! – кину про тебя словко. А там как знай...

– Не надо, Нюра. Направде. Навовсе ничего не надо.

– Да иди ты в баню тазики пинать!⁶³ Я ж слышу, односумушка⁶⁴, не от своего сердца несёшь шелуху⁶⁵. Тихо. Котёл свой допрежь времени не вари. Не лезь, чехоня⁶⁶, поперёд. Я старшей тебя?

– Ну?

– Не нукай, скорослушница. Отвечай.

– Ну... На месяц.

– Вот именно! Подчиняйся-ка, голуба, старшинству. Айда спатеньки. Утро вечера умнее.

Утром чем свет, на ранках, бегу я назад. Сочиняю развесёлые планы, как это свергнутому я раздушатушке своему стану экивоками подпихивать Лушку, ан вижу: мама и Михаил рыщут по двору с лампой.

В серёдке у меня всё так и захолонуло.

– Чего, – насыпаюсь с расспросами, – днём с огнём в две руки ищите?⁶⁷

– У м-ме-ня, Н-н-ню-ра... к-ко-шель... с день... га... – ми... п-п-п-про... пал... В-в-вот... Л-л-лихота какая... Всёшко о-о-обрыскали... Н-н-ну... В к-к-аких ещё в чертях по-од... з-з-заколотками⁶⁸ и-и-искать?..

Михаил сильно заикался.

Помалу я стала понимать, что спеклось что-то ужасное.

На нём не было лица... Убитый, оторопелый, блеее полотна, стоял он на свежем, – ночью, только вот выпал, – первом молодом снегу и совсем не чувствовал холода, совсем не видал себя, совсем не видал того, что одна нога была в лаковом сапоге, а другая лишь в бумажном носке.

Где-то далече, за горой, глухо, будто со дна земли, слышался протягливый паровозный гудок. (Мы жили тогда от путей метрах так в полусотне. Никак не дальше.)

На ту минуту вернулась наша хозяйка.

По нашей по нужде квартирничали мы у одних молодых. Как-то так сложилось... Держались впрохолодь, не всхожи были с ними...⁶⁹ Никогда молодайка с лубочными глазками⁷⁰ – за кроткий нрав и смазливую внешность её звали куклёнком – никуда не носила своего кричливого мальчика (детей у них больше не было). А тут притемно ушуршала с ним вроде как к своей к свекрухе и вот выщелкнулась.

Гадать нечего.

Подозрение легло на эту большеухую лису.

– Пеняй на свою на доблестну невестушку! – укусилась смиренная кукла. А самой злой румянец в лицо плесканул. – Эт она, твоя сродная любимушка, твой жа капиталец по-род-

---

⁶¹ Айдашка – девушка лёгкого поведения.

⁶² Барнаулить – назойливо приставать.

⁶³ Идыв баню тазики пинать – требование оставить в покое.

⁶⁴ Односумка – подруга.

⁶⁵ Нести шелуху – говорить вздор.

⁶⁶ Чехоня – молодница.

⁶⁷ Вдверукиискать – усиленно искать.

⁶⁸ В чертях под заколотками – неизвестно в каком месте.

⁶⁹ Невсхожисними – не знали, не ходили к ним.

⁷⁰ Лубочные глаза – глупые глаза.

ственному подгундорила⁷¹ с большого добročестия. Тепере и не жалае за тебя. Приспосо-обчивая курёнка!

– Мерзавица! – откликнул Михаил. – Нечеуху⁷² городишь, кошуница! Иль ты пердунца⁷³хватила? Мор бы тебя взял, кружная овца!⁷⁴ Не верю твоим клеветным словам, дрянца ты с пыльдой! Бреховня! Я пихнусь в сельсовет! На тебя заявлю, блудячая ты вяжихвостка! И тебя враз упакуют!⁷⁵

Обточила баширница⁷⁶ Михаила незнамо каким этажом и даль орёт:

– Оя! Кляп тебе в дыхало! Да греби ты отсюда! Нагнал морозу... Выпужал до смерточки, молневержец... До лампадки мне все твои погрозы! Так я и затарахтела перед тобой своим попенгагеном!⁷⁷ Да заявляй хоша в пять сельсоветов, укоротчик! Гремь своей крышкой эсколь угодно, персюковый козёл!⁷⁸ Мамишну⁷⁹ свою попугай! А я навету не боюсь. Как уметил один умный дядько, «движущееся колесо собаки не обгадят»! Куда хошь и чего хошь лепи. Не дёржим. Только мы упрёмся – она спёрла! – И шатоха лошадино выкорячила зад. – Она! Она-с!

Михаил поднял усталые шальные глаза.

– Раз ты, Н-н-нюра, н-н-не идёшь... Р-р-раз д-д-деньги п-п-пропали... Остался на эфесе ножки свеса...⁸⁰ Что ж мне?... З-загнать с себя всё до нитоньки и вертаться б-б-бобылём?... За такущее тятяка по головушке не погладит... Сезон! Сезон же увесь в поту арабил!.. Как проклятый... И в одну ночь опал достатком! Обтрясли... Нет, нет, нет уж!.. Нет уж!! Пускай лучше мои костыньки в Крюковку свезут, чем так! – дурным голосом рывкнул Михаил. – Ко всем лешим заявления!.. Ко всем лешим деньги!.. Он нас рассудит! – ткнул в огне рукой в сторону поезда.

А поезд уже грохотал навблизях. В упор так летел. Будто сам сатана выкинул его стрелой из лука-поворота.

И наперехватки вихрем пожёг Михаил к рельсам.

Что было во мне мочушки стеганула я следом.

В слезах ору во весь рот:

– Не смей!.. Не с-с-смей!!

Машинист подал сигнал. Зычный. Тягучий.

Не знаю, что подхватило меня, не знаю, какая сила подтолкнула меня, только в единый миг оказалась я на вытянутую руку от Михайловой спины, и хотя, падая на него, не словчила схватить за расстёгнутый ворот, за плечи, всё ж таки поймала за ногу. Хрястнулся он наземь, когда мы сравнялись с головой поезда. Я напозла на Михаила в момент, вцепилась в волосы и прижала его лицом к крутой насыпи.

– Что ж ты, паразит?! Умиришь!.. Не смей!.. Я и безо всяких денег пойду!.. Матерью клянусь! Только не смей!

Я не знаю, слышал ли он мою клятву в белом грохоте колёс, что лились над нами в каком метре, только подмирился он с тем, что дальше нету ему ходу, и долго ещё белее снега недвижно лежал после того, как поезд прожёт уже.

---

⁷¹ Подгундорить – взять потихоньку.

⁷² Нечеуха – вздор, чепуха.

⁷³ Пердунец – самая любимая трава для скота. Когда наедятся её коровы, то пучит им животы.

⁷⁴ Кружная овца – овца, заболевшая вертячкой (воспаление мозгов, которое бывает обычно от жары). Такая овца кружится и погибает.

⁷⁵ Упаковать – арестовать.

⁷⁶ Баширница – любительница устраивать шумные скандалы.

⁷⁷ Тарахтеть попенгагеном – испытывать страх.

⁷⁸ Персюковая коза, персюковый козёл – порода коз, от которых получают сорт тонкого пуха персюк.

⁷⁹ Мамишна (грубое) – мама.

⁸⁰ Остался на эфесе ножки свеса – остался ни с чем.

8

И крута гора, да миновать нельзя.

Себе в приданое выработала я и берегла большую хорошую паутиночку.

Думала ли я когда, гадала ли, что мне, самопервой на селе рукодельнице, первой девушке, придётся продавать тот платок, чтобушки сыграть вечерку не вечерку, свадьбу не свадьбу, а так – собирались все наши сродники; думала ли, что придётся на ту выручку за свой платок-приданок брать билет себе и наречённому до какой-то там его Крюковки...

А вот так спеклось...

У меня была сестра постарше. Незамужняя. Сперва надо выдать её. Нельзя ломать порядок. Ведь кто же вяжет через сноп?

Очень не хотела меня мама отдавать. Не хотела рушить обычай. Тогда как жить с клеймом воров? И мама отступилась от правила.

В близких днях собрались все наши за столом.

Как ни худо было, не поломала мама жёлтинский свычай преподносить невесте платок. Подарила.

Тут тебе на порог Лёня с товарищем.

Лёня и шумни Михаилу:

– Не ты жених, а я жених! Она должна быть не твоей, а моей. Тот пускай и будет жених, кто живой останется. Давай на таковских выйдем правилах!

– Давай.

Михаил сжал кулаки с махотку. Встал из-за стола.

А был Михаил-отлёт⁸¹ пониже Лёни. Но шутоломно силён. Богатырей валил снопами! Куда с ним Лёне...

Мама вроде того и прикрикни на Лёню:

– Иля ты рухнул на кактус? Ты што, совсемуща умом повредился?

– Да нет, Евдокея Ильвовна. Покудова я от своего от ума говорю.

– Не затевай, Лёнюшка, чего не след. Ругачкой⁸² беду не сломаешь. Даль всё сам узнаешь... И не вини никого... Не от своего сердца Нюра поворотила всё тако... Знаешь же... Бабий ум – куда ветерок, туда и умок...⁸³

Заскрипел Лёня зубами. Заплакал, будто ребятёнок.

Изорвал на себе белую рубашку в ленточки.

Кепка его осталась в пыли посередь двора...

Михаил потом накинул её на колышек в плетне. Думали, Лёня придёт возьмёт. Не пришёл...

(Стороной доплескалось до меня после, уехал Лёня куда-то, долго не женился. Под самую вот под войну мальчика ему жена уродила. Только возростал сынонец сироткой. Сгинул мой Лёля на фронте.)

---

⁸¹ О т л ё т – храбрый, удалой казак.

⁸² Р у г а ч к а – ссора, брань.

⁸³ Б а б и й у м – растение перекасти-поле.

9

Своя воля страшной неволи.

Ну а мы, молодёны⁸⁴, что?

Села я в слезах на поезд да и покатили.

Едем день. Едем два.

Едем голодом. Он меня не смеет. Я его не смею.

Во рту ни маковой росинки.

А харчей – полнёхонька сумка!

Да больше того, не до еды нам совсем.

Я всё кумекаю, куда ж это тебя, девка, черти прут?

Дотянулись до ихней станции.

На последние наняли на мои подводу до Крюковки.

На доранье, чуть свет, – а холод клящей⁸⁵, зуб с зубом разминается, – стучит Михаил в низ окна.

Сбежалась к одному боку занавеска гармошкой. В окне скользнуло женское лицо, и через мгновение какое растут-нарастают в сенцах звуки тяжёлых, державных шагов.

– Маманя! – шепнул мне Михаил. – Узнаю по маршальской походочке!

Михаил не выпускает мою руку. Боится, вовсе зазябну я. Становится попереди меня.

Мать, свекруха-добруха, откинула засов. До предельности распахнула дверь.

В большой радости шлёт с крыльца допрос внапёв:

– Ми-инька!.. А невеста-та-а игде?

– А какая?

– А тятяка сказывал, ты надвезёшь. Я и всполошусь-та. А батюшки! А Господи! А какая ж она, привезённая-та? Да какая ж эт у нас невестка будет? Привезёнка! Чудо в перьях!.. Так игде-ка ж твоя чуда?

– Мамань! Ну Вы наовсех в упор не видите!

Голос у Михаила улыбается. Изливает тихую радость.

– Будет над родительницей шутки вертеть. Бросай свои зэйгры. А потомко... Чего ж студить человека? Ты куда её расподел?

– В карман на согрев посадил.

– Значитко, не привёз... Э-хе-хе-хе-хе... А я что ждала... Тако ждала... Все глазоньки проглядела-та...

– Чище смотрите! – Михаил в гордости сшагнул в сторону. – Вот, мамань, моя Нюронька!

Всхожу я на крыльцо, будто чужеземица. Не смею всего. Глаз не подыму.

Мать:

– А батюшки!.. А миленька!.. А роднушка!.. А ты ж вся дрожишь... А ты ж, чай, наскрозь вся прозамёрзла?!

Не знаю, что и сказать.

Обнялись, расцеловались... Заплакали...

Ведут в дом.

Куда я ни пошлю глаз – на лавку, на печку, на полати, – отовсюдушки грейко светят солнышками светлые ребячьи рожицы.

---

⁸⁴ М о л о д ё н ы – молодые муж и жена.

⁸⁵ К л я щ о й – сильный.

– А ты, роднушка, – ведёт на ум свекровь, – не гляди на них. У нас в доме двенадцать носов и всяк чихает.

Да-а... Стало, врал Михаил...

Плёл, один одним у отца-матери. Одиный! Вот, мол, трое нас. А вышло, не хватает до чёртовой дюжины одной дуры несолёной. Так вот же съявилась. Всепоный теперь комплектишко!

Дали мне валенки.

Велели наскорей забираться на лежницу⁸⁶.

Обняла я трубу. Реву:

– Оха, мамынька ты моя родная! Оха да жёлтинска! Да куда ж меня завезли-та? Да куда ж да попалась-та я?..

– Нюронька! Ну чего ты, ей-бо, расслезилась? – шепчет в ухо Михаил. – Не надо бы, а?.. Ну чё ж тепере, пра, делать? Не ворочаться же... Всенадобно, Нюронька, со всей дорогой душой к нашему к обчеству приклоняться... Ну... Надь ладниться... Слышь, сродничи, соседи валом валят. Полна коробонька нажалась народушку. Привёз Блинов невесту со стороны! Глаза горят на молоду поглядеть-ка...

---

⁸⁶ Ле ж н и ц а – лежанка на печи.

10

Сама испекла пирожок, сама и кушай.

Попервости я быковала. Не соглашалась идти под Михайлову фамилию.

Серчал он:

– Тогда и не жона как будешь... Жона должна таскать мужнину фамильность.

Время пообломало мою гордыню.

Навприконец отступила я на попятный дворок.

Пошли мы в загс. Записались.

Выдали нам зарегистрированную бумажку.

По дороге назад я спросила, когда венчаться пойдём.

А Михаил со смешком и отколи штуку:

– Иди венчайся одиначкой. А я – господин Товарищ Комсомол! Я венчаться не буду.

Прямо оглоушил. Как обухом старой корове меж тупых рогов. Стала я посередь дороги и шагу не могу ни взад, ни вперёд подать. Будто вкопало по колени. Не то что мизинцем пни, дунь – паду.

А он, лихобес, руки за голову и ну бить дробца. И ну таким чертоплясом вокруг меня кружить с приговорками:

– Эх, тюх-тюх-тю!
Голова в дяхтю,
Руки-ноги в кисялю —
Свою милку весялю!

Эха, яблочко
Сбоку верчено.
С комсомольцем живу
И не венчана!

Я плясала, топала,
Искала себе сокола.
Думала, он далеко,
Оказалось – около!

Сгрёб с себя кепку, припнул к груди в поклоне – это я, соколок-найдёныш! – и в полной отчайке хлоп кепкой плашмя оземь.

И дале за своё:

– У милёнка у мово
Поговорочка на о.
Он на о, и я на о,
Ноне стала я ево!

– Как толечко... добыл на меня бумажку... – бормочу. – Час... Единый час не спёл... как накинул в загсе хомуток... А уже натура-дура в открытку из тебя полезла! Такущую вздорицу попёр!.. Это ещё что за машок?⁸⁷ Даль-то чего ждать?

Бросил он скакать. Повинно вальнуллся передо мной на колени. Обнял меня и не пропел, в донной печальности прошептал тихо приговорку:

– Ты, колечко моё,
Кольцо золотое!
Ты, сердечко моё,
Кровью залитое!..

Помолчал и потом так повёл в покаянье слова:

– Нюронька... Небесна звёздынька... Ты думаешь, я, большой руки дурак из картошки, увесь возмечтал тебе обиду склеить? Не-е-е... И в думке, милавица, не содержал. Жить будем в ладности, моя паниматочка. Вдох. Безо венца. Третий, знамо, лишний.

– Чем же тебе венец не угодил?

– В том и фасоля, всем угодил! Мне сам Боженька подал тебя как гостинчик в окошечко! И я проть венчаться? Хочу! Да не стану, любиночка ты моя... Да только шатнись мы в церкву – до гроба завоспитывает товарищуга комсомолюга! Точнёхонько ведь расшифровывают ВЛКСМ... Возьми Лопату и Копай Себе Могилу. Одним же зубом загрызёт неугомонный товарищ Комсомолюк. Это ёбчество ещё то! Задолбют эти господа-вороняки. Никаторого житья не дадут! По знакомцам заключение держу. Опа-а... В комсомоль-крематорий внагляк загребли, как трактором, сразушко всю горьку улицу... Молодняк, знамо... Безо спросу записали. Без согласки. А теперь и крутись-оглядывайся. Без спросу и до ветру не сбегай. Ис-кривление политикой линии! Вот чё выработают из нашего культпохода у церкву. Навалются всей чингисхановской ордищей и в бараний нас рог сомнут. Тебе эть надь? Лично мне не надь. Того я, блиныч, и не хочу ни тебе, ни себе говнивых приключеньев на весь остатний кусок житухи...

Я дала соглас Михайловым словам.

Вот весь век и живу не венчана.

Через вереницу лет, на исповеди, покаялась про это.

Батюшка и успокой:

– Ничего. Господь простит.

А я и платишко к венцу нарядное справила.

Так и разу не надела. Ненадёванное лежало.

Дочке потом к свадьбе подарила.

Было оно Верочке в пору.

В Крюковке я скоро обвертелась. Освоилась.

Одни по-за глаза выхваляли меня. Минька хорошо жону со стороны отхватил! Кой-кто поперёк тому слову на дыбошки вставал. Мол, а чего больно хорошего-та в ней? Тот же назём издаля привезён!

---

⁸⁷ М а ш о к – большой прыжок зайца в сторону, чтобы запутать следы.

11

Прежде смерти не умирают.

На свадьбе мне и Михаилу налили по полной стограммовой рюмке магазинной водки. Дали по куску ржаного хлеба. Шибко посыпали солью. В снег напрям белые.

Примета вроде там такая. Выпьют всё молодые и не поморщатся, съедят всё это – любят крепко друг дружку. В ладу будут жить.

Минька-то молодчуга. Шадымчик⁸⁸ под случай как ломит! Что вода, что водка – без разноты вприпадку молотит.

А я полстаканчика приняла. С горем напополамки на двоих осилила. Разочек куснула хлебушка. И нетоньки меня боль.

Тут встают свёкор со свекрухой.

Свёкор и молвит свекрухе:

– Аниковна, давай выпьем. Миньку женим! Первончик наш!! Сыновец-соколич!!!

Слышу, ой, плохо мне...

По-за спиной шепоток зашелестел:

– Какая-то вся она из себя гордянка. Впряме дышать нечем!

– Ересливая брезгуша...

– А матушки-та мои, морщится. А матушки-та мои, и хлеб-та не скушала-то наша городска...

– Э-э-э-э... Не будут жить... Не будут, одно слово!

Мне и вовсе худо-нахудо.

Молоком отхаживали.

Нашатырём виски тёрли. Нюхать давали...

Очнулась...

Тут-то моя доброта-свекровь и ну задавать звону свадьбе:

– Ну нашто тако нурить⁸⁹ человека?! Это у нас тако принято. А у них тако не принято. Она не можа... Да на кой лядо принужать-та? А не дай Бог, помрё, чё будем делать-та?

А не померла Аннушка.

Ой, да ну...

---

⁸⁸ Ш а д ы м – самогон.

⁸⁹ Н у р и т ь – мучить, изнурять.

12

Дело толком красно.

Они там, в Крюковке, сеяли коноплю, лён. Пряли и ткали холсты.

А я знай ажурные вяжи свои паутиночки.

Сиж у окна со спицами.

Печливый⁹⁰ дедушка – звали его дедака Аника, был уже под годами – крадкома, уважительно так спрашивает:

– Нюронька! А чего эт ты вяжешь-та?

– Платок.

– А што ж за така за кисейка-та?

– Довяжу, посмотрите.

– Да как жа ты вяжешь-та без гляденья?

– Привыкшая... Пальцами слышу, где рисунок, где наружная петля. У меня пальцы – глаза.

– Эко дивьё... дивица... А Господи, твоя воля!

– Да-а... У всех у жёлтинских, кто при платке обретается, чутьё в руках кощее. Вот возьму что в одну руку, возьму в другую – разнь в пять граммешек скажу.

– А Господи, твоя воля!

– Бывалко, принесёшь кладовщику выработанный платок. Не глядит. Тронет – иле враз примет, иле садись выбирай волос. Пальцами зорче рентгена видит хлопистый, сорный пух! Этого живого рентгена обманкой не возьмёшь.

– А Господи, твоя воля! Пошшупал, дал красну цену рукодельству... Чудно...

Связала я первый платок – вся Крюковка перебивала в дому.

– А батюшки! А узорчики-та каки приятныя!..

– То как садики. А то как какими кругляшками...

– А во поглянь! А во!.. Больша-а Нюра плететя!

– Да как жа эт можна-та исделать красоту таку?!

Свекруха-добруха, гордая такая за меня, входит в генеральское пояснение:

– А матушки! А Нюронька-та моя не печатает-та, не рисует-та. Вы-вя-зы-ва-ет!

Сработала я три платка, да и пустились мы с самим свёкром Иван Васильчем на преименитую Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде.

Только вынула из сумки один платок, подкатывается поперёк себя толще бабища. Ведёрный чугу⁹¹н наплённут на плечи. Шеи будто и не бывало. Позабыл Господь выдать. Какая-то вся короткая, обрубистая. Ростом не вышла, вся вишь разлилась.

На первый же скорый глаз что-то не глянулась мне эта кобзёлка.

Ну, взяла она мой платок за углы. Пальцы жирные, сытые.

И жалко мне стало. Я корпом корпела... Ночей не спала, все жилочки из себя тянула. И кто ж снял мои труды? Невжель э т о й простошныре носить? Ой, не надо! Моя воля, выдернула б назад...

Бабёшка встряхнула моё серебристое облачко.

– Почём? – Голос у неё холодный. С хрипотой.

Я к самому:

– Папань! За что отдавать-то?

---

⁹⁰ Печливый – заботливый.

⁹¹ Чугун – голова.

Молчит.

Уставился на покупщицу – та мёртво вкогтилась в платок.

Вижу, большие мильоны с неё дёрни, отдаст.

Губы кусает мой свёкрушка. Вопрепел. Не дай Бог продешевить!

– Дамочка... А ну... Слухай-внимай. Ну отодить... Отодить от этого вопроса! – тычет глазами в платок.

– Гражданин! Я вообще-то, кажется, покупаю. Не отымаю...

– Ишшо она отымать... Пустите! – Свёкор выдернул платок. – Отодить на одиный секунд. Христом-Богом, стал, прошу.

Коротыха повела плечом. Отступилась.

Со стороны зыркает на платок, как лиса на кочета при хозяине в отдалёке.

– Нюрушка! Доня! – шепчет мне сам на ухо. – Ко мне такой важняк товарец в жись не забегал. Откуда ж знать ценушку? Говори, дочушка, чоба не слыхала эта мамзелиха.

– А что говорить?

– В Жёлтом-то по каким деньжонкам пускали?

– Купчанам, – кладу тихие слова ему в ухо, – самолучшие отдавали по восьми рублёв.

У свёкорка короткий толк. Решает сразу. Без митинга.

– Шашнадцать!!! – во всю голосину гаркнул. Подзывает покупщицу рукой с платком, как со знаменем. – Шашнадцать будет ваше ненаглядное почём! Шаш-над-цать!!!

Разбитуха подошла с гусиным перевальцем:

– Сколько у вас платков?

– Ну... – Свёкорок замылся. – Выбирались из дому... Было три.

– Все беру. Безразговорчно.

Свёкрушка дрогнул, будто кто поддел его хорошенечко шилом. Прوماхнулся в свою сторону!

– Не-е! – мотает решалкой⁹². – Как же без разговору?... Иль мы нелюди... Иля нам не об чём погутарить?

– О чём же?

– Двадцать... Вот последняя наша дорогая разговорка!

– Помилуйте. Да на вас креста нету!

– А вам что, мой крест уже нужен?

– По двадцать не пойдёт.

– Но и по шашнадцать тож не побегить!

– Ну, дед! Ни твоя ни моя. Восемнадцать!

– Мадамочка! Торговаться я не обучён. Сколь наметил – всё. Надоть – бери. Не надоть – идь лесом, не засть. Не стекло!

– Ну идол с тобой! На! Здесь ровно пятьдесят четыре. Хоть не считай!

– Нам это не в утруждение.

Свёкор чувствительно поплевал на щепоть.

Сосчитал в блаженном спокойствии раз. Сосчитал два.

Хмыкает.

– Дед, отдавай платки. А потом и думай, эсколечко твоей душеньке угодно.

– Не торопи. Можя, моей душеньке угодно с тобой ишшо поговорить...

– Но-но! Ты ж слово дал.

– Эхва-а... То-то и оно, девонька. Получай да с глаз вон с этими платками, покудова глупость мне воевода.

Коротайка проворно спрятала под полу шубы платки.

---

⁹² Р е ш а л к а – голова.

Отошла от нас чуток.

– Ну, дед... Ну, хитроныра... Это страх, какой ты копеечник. В осень у тебя напёрстушек грязи не вымолить!

Иван Васильч усердно заворачивает выручку в носовой платок. Усмехается:

– И-и... Всё ж ты, комедчица, с сырцой. Тебе таки платки от сполубови втридёшева отдали. Как ты просила, безразговорочно отдали. А ты ишшо непотребными словами мазать! Ты чё вот чрезмерно домогаешься? Чоб плюнул я на свою обещанию да всурьёз с тобой потолковал?

Потешно, без зла засмеялась раскупщица.

– Смотрите, какой разговористый воздушный лебедь! Ну, ладнушко... Закрываем наш базар. До свиданья, мил человек. Спасибо!

– Хо! Поблагодарить што?.. Спасибо нам многовато, – разбито затужил свёкор. – А вот накинула б сверху с червонишко – самый раз...

– Господь тебе навстречу! – разом отмахнулась от него оберучь, обеими руками, коротень и, счастливая, сгасла в толпе.

Минутой потом то ли мне причудился, то ли въяве прислышался певкий, радостный голос покупщицы.

Голос покрывал бубуканье, шум ярмарки и пел:

– Купи, маменька, платок, —
Во всю голову цветок.
Теперь модные платки —
Во всю голову цветки.

Набрали мы всяких, конечно, не тысячных гостинцев – пряников там ребятишкам, себе по мелочёвке чего – да и понеслись весело назад. Довольны как! Аж шуба у свёкрушка заворачивается!

Божечко мой!

От богатой выручки у него гордости за меня вдвое прибыло.

Приезжаем, а обаюн свёкрушка – сам старшой, сам большой! – и ну вприхвалку распи-сывать домашним:

– Ну чё, бабоньки?.. Вот вы изо дня в день, изо дня в день заподряд цельну зиму прядёте-ткёте. Нековда вам и спины расправить. Задыхаетесь в пылюге. Гли-ка, очи исгасли. А чего наворачили? Всего двадцать-та пять локтей холста наткёте за всю-та зиму зимнюю? А скоко за ними возмёте? Докладую: не боль как двенадцать целковых. Это за всю-то за зиму зимнюю! Я толкую – внимай... Хочу втвердить... А вона Нюронька-та одна какую помочь дому подаёт! Ну!.. Играючи-та связала живой рукой три кисеюшки! За... Почитай за шесть-де-сят целкачей отпустила!.. И наше, мохнорылики, дельцо молчало, молчало да крякнуло! Ладноватонько нонь поддуло⁹³. Шесть десятков! Таки капиталищи! Подумать! Одна одной! Золотиночка!.. А вас – цельная шатия, нетолчёна труба... Как сказано, кому Бог дал рученьки, а кому и грабельки. Не стану уточнять, кому чего досталось при раздаче... И тако ясно. Золото рученьки у нашей у Нюроньки! Молодчага Минька, не промахнулся. К часу⁹⁴ знал, гусь лапчатый, какую приглядеть жону!.. Не скажешь, что в лесе не мог палку найти... Одно слово, молодчай! За то кому чё, а Минюшке первому наидорогой гостинчик. Такая вотоньки моя раскройка...

---

⁹³ П о д д у в а т ь, п о д д у т ь — удаваться, везти.

⁹⁴ К ч а с у — кстати.

Свёкор наклонился к мешку с подарками. Порылся в нём, пошуршал бумажными свёртками и наконец выдернул из хрусткой купы нужный.

– Вот! – ликуче взмахнул перед Михаилом юбкой. – По – лучить, мил сердечушко Михал Ваныч! Получить, Топтыгович!

Михаил конфузливо отступился от юбки.

Батёка снова потряс юбкой.

В радостном удивлении спросил Михаила:

– Ну ты чё от гостинца пятишься раком?

Все домашние приутихли.

Веселье тонуло в лицах. Как вода в песке.

И в неловкую тишину Михаил сронил с запинкой:

– Это вроде... надсмешки... как...

– Это ишшо каки таки смешки?! – огневился отец. Он опустил юбку, закрыл ею себя до пояса. – Одначе больно обнаторёлой ты. Иша, лепетун, самому родителю отстёгивать попрёки! Я гляжу, выбаловал я тебя. Воли поверх ноздрей насыпал! Я дал. Но я могу, пустозыря, и взять! Не забывайся... Да!.. Тоже... Тоже нашёл смешки! Голая правда! А ну внимай сюда! Как Нюронька моет полы, ты чё работаешь? Она моет в одной комнате. Ты тутoka же надвое переламываешься – моешь в другой. Р-р-раз! – Отец прижал локтем юбку к боку. Заломил мизинец. – Нюронька... Нюронька стирать, и ты, выжимальщик, подля. Два, – загнул ещё палец. – Нюронька полоскать... Ты прёшь ей к речке корыто с бельём да сам, полоскун, и ввяжешься наполоскавать. Ототрёшь её от корыта...

– Вода-та... холод... – оправдательно буркнул Михаил.

– Для Нюроньки, понятно, холодная. А тебе, стал быть, бес подогревает? Ладненько. Бежим дальше. Нюронька пироги тулить, и ты у ей в услужении на любкá...⁹⁵ Не пропустишь и корову доить, и щи стряпать... Вот токо жаль точит, спицам ты не власть. Нипочём не дашь спицам ума. А то б вы с Нюронькой в четыре руки ого-го-го как жахнули! Раскупной товарко возами б спел! Поспевай токо, тятяка, отвозить на ярманку кисеюшки двадцатицелковые!.. Понимаю, бабу надь жалеть. Надь ласкать. Но на кой же забегать за межу?

Михаил рдеет.

Вижу, багровеет сердцем. Злость его всего пучит.

Трудно подымает он на отца глаза. Истихá, но в плотной твёрдости пихает храбрун слова поперёк:

– Не о том, тятя, стучите... Не про то хлопчете... Ну коль пала мне свободная секунда, чего ж не подсобить жоне?

– Подходи-тельной... Только иду в повтор. На кой плескать через край? Всё хорошат лад да мера. А такочки ты кто? Бабья подлизуха. Бабья пристяжка. С бабой надь покруче. Вон поглянь на меня. Я стрельнул глазом, – старик в улыбке поворотился к своей жонке, – и моё подстарелое солнушко уже в трепете. Одним мелким взглядом вбил в трепет! А ты... Я ссаживаю тебя в бабий полк. Как на бабью работу наваливаться, сигай в юбку. На той момент я тебе её и подношу, – с ядовитым поклоном отец тряхнул перед Михаилом кубовой юбкой. – Доласкался до подарочка!

Пыхнул распыливый Михаил порохом. Толкнул от себя протянутую юбку в отцовых размолоченных нуждой руках тонких и бросился к двери.

– Стой, топтыга! – гаркнул батя. – Иля ты перехлебнул?

Михаил пристыл у самой у двери.

Стоит. Не поворачивается.

---

⁹⁵ Н а л ю б к á – добровольно, полюбовно.

– Вернись, – уже мягче, уступчивей подговаривается отец. – Как я погляжу, сильно ты уж горяч. Не горячись, а то кровь испортишь... Вернись и забудь, чё ты издеса слышал. Я думал так всю время, видючи, как ты вился окол Нюроньки, лез к ней с помочью во всяких бабских делах-заботах. Экий курий шалаш...⁹⁶ Пораскинул я сичас своим бедным умком и подскрёбся к мысли, что без тебя, Михайло... Без тебя, безо твоей помочи рази Нюронька поспела б к ярманке с тремя кисейками? Не связала бы, не поспела бы, молонья меня сожги! Ты ей подмог. Она подмогла всем нам. Без мала шесть червонцев поднесла! Да с Нюронькой и обзолотеть недолго!.. Отрада душе видеть, каковская промежду вами уважительность живёт.

– А что ж только напoласкивали? – мягкость легла в Михайлов голос.

– Не с больша ума, – повинился свёкор. – Пришёлся ты нонь под замах⁹⁷. Я и наворочай гору непотребства, как тот дурак в притруску... Не дай Бог с дураком ни найти, ни потерять... Выбрехался... Аж самому тошно...

– Больно вы подтрунчивой, тятенька... – высмелел в улыбке Михаил.

– Таким орденком не похваляться... Не дёржи, первонюшка, сердца... Подай-та Бог, чтоба и даль так бежало промеж вами. Ежли я допрежде то попрекал, корил, тепере наказываю: подмогай Нюроньке во всём во всякую вольную минутоньку. Нехай наша кормилица поболе вяжет!.. А юбку... Юбке всё едино, чьи бока обнимать. Чьи коленки греть... Юбку, Михайло, с твоей согласности я подарю нашей Нюроньке.

---

⁹⁶ Ш а л а ш – голова.

⁹⁷ П о д з а м а х – под горячую руку.

13

Наличные денежки – колдунчики.

Раз оказалась я невесткой в цене, прибыльной, относился ко мне свёкрушка приветно.

К дому я пришлась.

Свекровь пуще матери берегла меня.

Всего с ничего ела я спротни них.

Бывалыч, кухарит когда, так зовёт:

– Нюронька! Роднушка! А поть-ко, поть-ко сюда... Я тут задля тебя выловила мяску. На, любунюшка, поешь. А то ишпо поплошашь. Родимой-та мамушки-та нетути. Наедаться-та не за кем... Люди скажут, свекровка не потчует молодую-та... Нюронька, а курочка-та большь клюёт-та. Ну што ты, дочушка, така струночка? Отощала... Одни кошы-мошы...⁹⁸

– Были б кости...

– Ну одни ходячи мощи... Щека щёку кусает... Дёржи! Не удумай петь, што не хочется. Какая живая душа калачика не просит? Чтоба в тело войти, да ешь ты привсегда до отпышки взаподрядку всё, пока в памяти! Главно, знай себе ешь, ешь, ешь. Дажесть на обед не перерывайся. Отдохни малече и снова ешь до отходу. Тольке тогда, хорошелька, и подправишься видом. Окузовеешь, как барынька. На то вот тебе, скоропослушное дитятко, моё благословение...

Чего уж греха таить, в доме обо мне заботились.

Поважали.

---

⁹⁸ К о ш ы – м о ш ы – буквально: кости-мощи. О слишком худом человеке.

14

Не дорого начало, а похвален конец.

Вскорости после свадьбы подвели Михаила под воинский всеобуч.

Отлучался всего на полтора каких месяца.

Строго-настрого наказал дедке Анике в заботе глядеть за мной.

У дедки только и хлопот. Проснётся затемно, выберет мне в запас гулячую, свободную, ложку понарядней и зараньше, покуда у стола ещё никого нету, кличет:

– Нюронька! А поть-ко, поть-ко завтрикать-та. Поть-ко... А то Минька-та как нагрянет и ну с меня грозный спрос спрашивать: «А что ж ты тут за Нюронькой-та не ухаживал-та? А что ж ты не кормил-та нашу Нюроньку-та?»

Сплюшь обсыпят, обсядут стол двенадцать душ. Только ложки гремят-сверкают молодыми. А я – не смею...

Вот убрали все борщ.

Мясо в общей чашке крошено.

Дедка Аника стукнет ложкой по той чашке. Скомандует:

– А ну таскай, кому что попадётся!

К середине стола, к чашке с мясом, со всех боков потянулись руки.

Исподлобья вижу: ложки сомкнулись над чашкой. Чашки нипочём не видать уже. Над ней словно цветок из расписных ложек.

Я взглядываю на эту живую чудную картинку, улыбаюсь про себя и... боюсь ложку поднять. Думаю, да как это я поташу то мясо, коль меж других не продёрну ложку свою к чашке? Даже сейчас руки трясутся, когда вспомню, как это мясо таскать.

Дедка Аника смотрит, смотрит да и свалит мне сам кусоню мяса в ложку.

Я ещё больше не смею. Подумают, во принцесса, во царевна-лебедь! Всё выжидает, пока ей положат. Сама, видите, не может...

Наявился Михаил. У дедки радости ворох:

– Сдаю твою жону в полностью-невредимости... Сам потчевал-та Нюроньку! Во-отушко!..

На другой день израна – солнце уже отлилось от земли локтя так на два – засобирались наши в храпы⁹⁹ за боровиками (боровик – всем грибам генерал!) да за груздями.

Умывался Михаил. Я сливала ему.

И надумала попроситься поехать с ними. Отказ не обух, шишек на лбу не будет!

– Возьмите и меня, – шепнула я. – Хоть на леса на ваши погляжу.

Михаил отцу:

– Тя-ать! Мож, в нашу компанию впишем и Нюрушку? Уж больно жалобисто просится.

Свёкор весь так и спёкся. Перестал обуваться. Примёр на том моменте, когда услышал мою просьбу: на весу держит за сапожные ушки выставленную ногу.

С минуту никак не мог и слова вымолвить.

– Нюронька! – извинительный голос у свёкра так и вьётся птахой. – Милушка! Сирень ты моя духовитая! Да рази я тебе враг? Супостатий какой? Где речь про тебя, я завсегдашню твою руку тяну. Повсегда с тобоюшкой всесогласный... Я со всей дорогой душой!.. Токо... А ну заблудишься? А ну заведё тебя дед лешак куда в глухоманку к босому к старику?..

– К кому? К кому? – удивилась я.

– Босыми стариками у нас навеличивают медведущек, – пояснил Михаил.

---

⁹⁹ Храпы – глухой лес.

– Медведушки у нас не с кошку. С избу! – страшал свёкор. – Идёшь лесом, а кустарики с корня повыдернуты. Косматый сергацкий барин грелся. Во-она как! Это мы с Минькой попадись ему, так он отвернётся, обхватит свою башню лапищами да в тоске в звериной и плюнет. Таких мешков с говном скоко перевидал он на своём веку! А вот совстретись ты, небоглазка, с им, лесной архимандрит извнезапу и задумается кре-епенько. А плотно подумает-подумает медведка-думец и не упустит живую. Ну на кой нам такой уварок?! В жизни, Нюронька, всегохватишь... Кру-уто тут нам поддувало. Беды кульём валились... Поскупу жили-были... И голоду ухватили, и холоду... Нуждица крутила нами, как худым мешком. Мы никовда не шумели капиталами. Это уже при тебе единый разушко шумнули... С ярманки... Можь, при тебе побегим?.. Разбежимсе жить в гору?.. А?.. А ты... Не-е-е! Нюрочка, сладкая дочушка огнезарная, не входи во гнев. Не возьмём ломать грибы... Да без тебя, да без твоих кисеек всему нашему дому карамбец. С рукой по миру лети!.. Уж ты лучша сиди вяжи. Оно всем нам будет и спокойней, и подхóдней¹⁰⁰.

Ну что тут скажешь?

Подкорилась я. Бросила проситься.

На прощанье свёкрушка благодарно обогрел меня тёплым, детским взглядом, и подались наши мужики в лес.

А я со спицами села к окошку поджидать их.

Стаял уже день.

Солнце пало за толпу унылых толстых облаков – на ночь согнал ветер домой, к низу неба, – а наших всё нет.

Разве можно тако дибеть?¹⁰¹ Не накрыла ль беда там какая?

Нету моей моченьки сидеть выжидать.

Спицы валяются из рук.

«Пойду... Пойду встрену...»

Откинула вязанье и только за калитку – про них речь, а они навстречь!

Весёлые. Видать, с прибытком.

Ну да. С прибытком.

Полный возок уже закрытых кадушек!

Грибы сразу же там, в лесной речонке, мыли. Солили. Пять насолили кадушек.

Составил их с возка Михаил.

Потом подаёт мне ладненький такой бочоночек с мёдом и подольщается:

– Это тебе мой тёзка-косолапка, сам Михайло Иваныч передали.

– Спасибо тёзке и тем хозяевам, у кого укупили по дороге.

Хмыкнул Михаил. Ничего не сказал.

Только обмахнулся. Утёр пот со лба.

– Мда-а, – промолвил минуту упусти. – Чай с мёдом пить легко. Да никто не нанимает...

А привёз он мне ещё волоцких орехов-последушек. Сами выпали. Последние. Осень на дворе.

Даёт и вздыхает:

– Вот, Нюра, ещё чего тебе в гостинец добрый медведка прислал.

– Ещё раз спасибо медведке.

– А мне?

– Прислал-то медведка!

– Прислать-то прислал. А лазил-та под деревьями я. По одному сбирал...

---

¹⁰⁰ П о д х ó д н о – выгодно.

¹⁰¹ Д и б е т ь – долго задерживаться.

15

По родине и кости плачут.

Какой ни желанной была я в Крюковке, а не случилось, пожалуй, и дня, чтобышки не плакала я по дому по своему.

Сижу, слезокапая, жалуюсь про себя спицам:

«Калина с малиной
Рано расцвела,
На ту пору-времечко
Мать дочку родила.
С умом не собралася,
Замуж отдала
В чужую сторонушку,
В дальние края.

Чужая сторонушка
Без ветра сушит,
Чужие отец с матерью
Без вины бранят,
Посылают меня, девицу,
В холод за водой.
Нейду я, девица,
В сад за водой:
Зябнут мои ноженьки
На снежке стоять,
Прищепало рученьки
Ведрицы держать.

У родимой маменьки
Я три года не была,
На четвёртый годочек
Слетаю пташкой я.
Сяду в сад на веточку,
Громко запою,
Родимую маменьку
От сна разбужу.
Заслышала маменька
Мой-то голосок:
«Не моё ли дитятко
Песенку поёт?
Не моё ли благословенное
Назолушку¹⁰² мне даёт?»

Тащились какие-то только первые месяцы, как познала я чужую сторону.

---

¹⁰² Н а з о л а – грусть, тоска.

Мне ж казалось, век я там маюсь.

Ела меня поедом тоска по родимому дому.

А пуще того тиранствовала надо мной, жгла душу платочная чахотка. Не из чего стало вязать.

Пух, что был, весь вышел. Вчисте до нитоньки всё извязала. Без спиц же и день отжить неумоготу.

Забудешься, заглядишься на что...

Вдруг начнёшь вязать.

Вяжешь не глядишь, вяжешь. А опустишь глаза – оторопь морозом душу навпрочь осыпает. Руки хоть и крутятся, как при вязке, а в руках-то ровным счётом ничего. Два кулачка рядышком ходуном ходят впустую. Только постукивают кости пальцев друг об дружку.

Без вязанья померкли дни мои светлые. Жизнь потеряла всякий интерес, всякую радостинку.

Может, это случайное совпадение.

А может быть, и нет. Только отнялись у меня ноги.

Лежу чурка чуркой с глазками.

«Это безделье взяло у меня ноги», – прилипла ко мне, как тесто к пальцу, одна мысль. Делом я почитала лишь платки.

Миша да свекровь, доброта моя вечная, обихаживали меня.

Сладил Миша кресло-каталку. Повинился:

– Не взяли мы тебя тогда по грибы... Как нехорошо... Жить в нашем краю и не видать наших лесов... Я всёжжи покажу тебе места, где Добрыня Потапыч передавал тебе гостинцы.

– И оставишь теперь ему гостинчик? – кручинно пошутила я.

– И-и... Сказанула... Ну прямо ногой в суп! Да ежесть оставляю, так и сам там останусь.

И повёз меня в крюковские леса.

Я сейчас вечером не вспомню, что делала утром. А вот тот лес-праздник в подробностях встаёт-накатывается у меня перед глазами, как только подумаю про ту далёкую поездку...

Совестно было мне разлёживаться. Всё ж не ленива соха. Не лежебайка¹⁰³ какая.

В семействе и без того кругом нехват. Дом набит детворнён, как детский садик! А тут ещё я на иждивенческом еду полозу.

Свёкор со свекровью ни в какую не отпускают уехать.

Твердят:

– Чё мир-та запоё? Покудушки невестонька бегала – расхороша была. А как обезножела, так вон со двора?! Этому николды¹⁰⁴ не бывать! В сам деле, иля мы лиходейцы какие? Зловредители?

А я отвечаю:

– Ежле не вернусь я, лежебочиха, в Жёлтое к платкам, чую, примру у вас.

Плакала я, плакала и выплакала.

Отпустили!

В каталке и привёз меня Миша через год назад в Жёлтое.

Тут-то я и воскресни!

Чуть тебе не круглыми сутками вязала для пухартели.

Так голодна была на вязку.

Мало-помалу, слышу за работой, сила льётся в меня. Кажется, могу уже и встать. А боюсь. Да и что вставать? Что ноги? Я ж не ногами вяжу.

---

¹⁰³ Ле же байка – лентяйка.

¹⁰⁴ Николды – никогда.

Сижу себе на койке да знай наковыриваю.
Однажды клубок далече сбежал от меня и спрятался за комод.
Нитка в чём-то увязла.
Кумекаю, сейчас я по ниточке и доберусь до своего вертуна клубыша. Вызову-вызволю
своего озоруна.
Я это дёрг, дёрг.
Не летит ко мне клубочек-голубочек. Бастует?
Я сильней рванула. Нитка и лопни.
А Господи! А Боже ж ты мой! Что ж мне, кулёме, делать? Звать кого на помощь?
Да зови не зови...
Не доаукаться.
Дома ни души. Одна я да кот. Все ж наши на лубянке¹⁰⁵.
Лежать ждять, когда увялятся?
Я к комоду пластунским макарцем.
Достала клубок.
Думаю, а чего это я в своём курене да ползком?
В дрожи взнялась на карачки...
Маненько передохнула...
Осмелела наша геройша, разогнулась да и прямой наводкой пешаком к койке!
Пока по стенушке ковыляла, упарилась. Невозможно как устала. По корень оттоптала
ноги.
И только как села, страх молоньей прошил меня всю. С корени до вышки.
«А батюшки!.. А светы!.. Ты ж сама с клубком от комода-то шла! Сама!.. На своих! На
ноженьках! Клубочек подняла и... Не-е... Божечко мой! Это ж клубочек тебя поднял!..»
Сила в ногах всё плотней копилась.
Взялась я потихоньку-полегоньку уже и сама выползать на волю.
Во двор.

Слилось время.
Платок поднял меня. Крепенько встала я на свои ноженьки. Будто беда их и не трогала.
Отошла я, так Михаил зачал косоуриться. Всё носом шваркает да сапурится. Штукату-
рить в Жёлтом нечего. На приработки всё на сторону кажен божий день гоняй. Ну чистая
смерть птенцу!
А тут крюковские басурмане завилась аж в Срединную в Азию. Доплескались до самого
до господина Ташкента!
Засылают азиатцы призыв за призывом ехать.
Призывы всё на един покрый. Строек завались! Одна другой главней! Русскому топору
да мастерку почёт беспримерный! Деньжищу каждому отваливают по мешку за месяц!
Распустили басурманцы перья.
Пропал мой Миша ни за понюх табаку.
Заладил бесконечное своё вечное: ну поехали да поехали!
А я ни в какую.
Между нами пробежал платок.
– Ну что я, хряк сопатый, – жалится, – грошики тута сшибаю в той межпланетной?¹⁰⁶ А
представляешь, голова ты безумная, какая цена будет там моим рукам?!

---

¹⁰⁵ Л у б я н к а – поле, угодые.

¹⁰⁶ М е ж п л а н е т н а я – межколхозная строительная бригада.

– А то! – смеюсь. – Чертячий доход по тебе обрыдался!¹⁰⁷ Припасай, – веду на ум, – совковую лопатицу. Так оно сподручней гнать капиталы в контейнеры.

– Не смеись, – обжёг в прищуре лиходейскими глазищами. – У кого табачок, у того и праздничек! – да этако картинно только ж-ж-жа-а-ак на стол билеты.

И ощерился:

– Ну как? Хитро завёл в сетку?

Ахнула я от такой напасти.

Пыхкаю в себя воздух, что тебе рыбица на песке.

А сказать словечка не скажу.

Минутой потом оклемалась.

Слог прорвался гладкий. Будто писанный:

– Молодцом! Хитрей хитрого завёл... Сострил тупей коровьего бока! Скажи, парнишок, кто я тебе? Законница иль так, служкой какой приставлена? Не обсоветоваться... Ну ни человек ни обморок...¹⁰⁸ Мне ни звучика и на, зволь радоваться. Получи яйцо с обновкой!¹⁰⁹ Билеты! На поезд что, сегодня, лётчик?¹¹⁰

– Спогодя десять дён.

Ну, держу думушку, пустого времени у нас луканька на печку не вскинет. Дай-ка я его ядрёно выполоскаю. А то... Дай дурилке волю, так он и две цапнет!

Эхо и разошлась, ровно тебе лёгкое в горшке. Разбрехалась, точно перед пропастью. Такую бучу подняла, что, смотрю, обоум-то¹¹¹ мой тишком, тишком сгребает до кучи билетики и рысюшкой назад их кассирке.

Снёс злодеюшка и по второму забегу.

А на третьих разгах я сама сдала билеты только на себя да на наших на двоеньких детишков. Жалконько смотреть на Мишины мучения!

Уколесил мой один.

Осталась я вязать.

Поверх года толклись подврозь, покуда не поднаумили да не присоветовали люди добрые.

Диву даюсь, как это нам самим в дум не пришло?¹¹² Чего ж сами-то, дурачоныши, до этого не доскрипели?

Живёт ведь почта! Артель согласна гнать мне в Ташкент пух. А я в обратки – готовые платки.

Так и напустили.

Только после этого сшатнулась я в «город хлебный».

---

¹⁰⁷ Чертячий доход – большая прибыль.

¹⁰⁸ Ни человек ни обморок – человек ни то ни сё.

¹⁰⁹ Яйцо с обновкой – яйцо, впервые снесённое курицей, с каплей засохшей крови на скорлупе.

¹¹⁰ Лётчик (здесь) – летун.

¹¹¹ Обоум – хитрый человек.

¹¹² В дум не пришло – не догадались.

16

Всяк своего счастья кузнец.

Не всхотелось в малограмотных киснуть. Навалились мы в Ташкенте учиться. Миша у меня уже в горбатые стахановцы выполз. Там вламывал, «как огнём жёг». Я вязала и смотрела дома за детишками. А вечерами – школа. Занимались мы не стыдно сказать. За год по два пробегали класса на стахановских курсах. Про нас даже печатали! Бюллетень «За грамотность» – было это в тридцать шестом – дал в отдельности наши рассказы и портреты. А мой портрет так во всю вторую страницу обложки! Смотрю я на себя. Не узнаю. Передо мной на столе глобус. Одна рука на раскрытой книжке. Другой подпёрла щёку. Читаю...

Такая я вся молодая да складная...
Подпись учинили – буквищи в аршин:

«АННА БЛИНОВА, УЧЕНИЦА-ДОМОХОЗЯЙКА, ЖЕНА
СТАХАНОВЦА 3-ГО СТРОЙУЧАСТКА, ОКОНЧИЛА ШКОЛУ
ВЗРОСЛЫХ НА ОТЛИЧНО, ГОТОВИТСЯ К ПОСТУПЛЕНИЮ В
ТЕХНИКУМ».

Листочки жёлтые. Будто переболели тяжело как...
Переворачиваю тихонько. Боюсь не рассыпать бы...
Вот моя статеечка «О картине “Юность Максима”».
Была я вся наружу. Писала безо всяких затей. Проще простого. Как говорю, так и пишу.
Ну, что я написала, то куда-то умахнули.
А под мою фамилию подвели слова, какие им надобны. Разве нас спрашивали? Что мы за букашки, чтобушко нас спрашивать?
Зато я спросила, зачем они так сделали. И мне ответили:

«Т а к н а д о».

И в бюллетене т а к меня выбелили, т а к выправили мой слог – без наркоза не станешь читать:

«Недавно я посмотрела эту замечательную картину. Который день она у меня не выходит из головы! Вот, товарищи, как завоёвывали старые большевики свободу для нас! Что за картина, как зажгла моё сердце! Нам, товарищи, так же надо стоять горой за нашу Родину, за нашу завоёванную свободу. Мы живём не так, как жил Максим до революции; мы живём в свободной стране и должны помнить, что за пределами нашей Родины фашистские банды каждый день готовятся напасть на нас, как напали они на республиканскую Испанию.

Мы все должны крепить оборону Отчизны. Я, ученица школы малограмотных, готовлюсь к сдаче норм ГТО и вызываю мужа последовать моему примеру».

Ух и боевая была я молодайка!
Куда ж он денется, последовал. Сдавали напару.
Столькое вспоминается...

А ведь никакоечкой заметушки я и не гадала попервах сама писать. Силодёрсом принудили. Дело до мелкой даже войнишки доскреблось.

Поджигают:

– Не хочешь писать, значит, ты несознательная. А какому передовику-стахановцу нужна несознательная жена? Ни-ка-ко-му! Не напишешь, лишим мужа почётного звания стахановца.

Докладаю Мише эту бредовину.

Недослухал – пихает почётное то званье в карман и по насаяйникам-буграм¹¹³. Шлёп той бумаженцией по столу. Смеляком рассудил голь по заднице да вдоль:¹¹⁴

– Забирайте своё почётное. Я свою «несознательну» жону не сменяю на вашу распочётную да рассознательную бумажку. Отруливаю от вас. Терпужишь как сто китайцев! А они... Никакой уважухи... Да через дорогу меня с руками оторвут!

А его тут же схватили в работу. От стола не успел отлипнуть. Цо-оп только что не зашиворот:

– Ёшкин кот! И ты несознательный? С перехмуру¹¹⁵, что ли? Наш стахановец да несознательный? Звание стахановца тебе пустой звук? В ударном темпе станешь у нас сознательный! Ахнуть не успеешь... Через минуту у нас дозреешь! И лично тоже напишешь статью про весёлую свою и счастливую советскую жизнь!

– Лише осталось разбежаться!

– Так вот и разбегайся. И кончай митрофанить, умнявый! Ты со своей прямоотой далече не ускачешь... Пряма же, как разрез на заднице... Смалчивал бы хоть по временам... Если ты заточил себя под злость к нам, так и мы не кинемся заточивать себя под восторг к тебе. Ведь же как слепых котят повыкинем обоих из вечерней школы! Такую тебе, солныценосец ты наш, статью в трудовую врисуем, что тебя не только через дорогу – в золотари нигде не прикопаешься. Иль штрафом раздавим! – нагрозил начальничий зам, тоскливый тараканий подпёрдыш. – Ну на хрена французу чум? Ввек не отработаешь! Лучше не фони!

Михаил мой до предельности размахнул в изумленье рот. Хотел матерком пустить на все буквы. А сказать ничего не может. Так и стоит молчаком.

А подпёрдыш с эдаким вывертом в насмешке стелет-долбит своё:

– Да, утюжок, кимоно-то херовато... И на какую тему дорогое молчание в массах?

– Дак жить на что? – в подломе выронил опаску Михаил. – Детишков на что питать? Детишки ж ведь не трава...

– И мы, паньмаш, про то же... Думай. Включай мозги! – И пододвигает отряхало, этот хорь в яме¹¹⁶, пустой грязно-серый листок. – И чем быстрее начнёшь царапать, тем лучше. Видит Бог и ты тоже, время пашет пока на тебя, мозгач. Минута на отходе... По-хорошему давай приступай к этому процессу!

Так мы с Мишей сходили в «писательки»...

...Множенькое воспоминается...

Через две странички карточка Миши моего. Статеюшка «Безрадостное детство».

Это мне он Миша.

А в журнальчике напечатано всё тако строго:

«М. Блинов, штукатур-стахановец 3-го стройучастка».

И та самая статеечка.

---

¹¹³ Н а с а я й н и к – начальник.

¹¹⁴ Р а с с у д и л г о л ь п о з а д н и ц е д а в д о л ь – высказал что-то некстати.

¹¹⁵ П е р е х м у р – перепой.

¹¹⁶ Х о р ь в я м е – начальник в кабинете.

«В 1914 году отца моего взяли на войну. У нас осталась большая семья, 11 человек старых и малых. Мне было всего семь лет, я являлся самым старшим из детей. Трудно нам пришлось жить. Мама, дедушка и я пахали землю допотопной сохой, которую еле тащила лошадь. Работали с раннего утра до поздней ночи; того горя я вовек не забуду. Конечно, мне не пришлось учиться в школе, прошли мои юные годы без радости. Мы не имели ни праздников, ни дней отдыха, а отдыхали тогда, когда плохая погода не давала возможности работать в поле.

Только после Октябрьской революции жизнь стала веселей. Теперь и я ликвидирую свою малограмотность».

Старательно учился Миша по вечерам.

А днём уже школил сам.

Штукатур он был мастероватой.

В каждом пальчике по таланту жило.

Начальство и кинь ему:

– Мало, Михал Ваньч, самому знатно мантулить¹¹⁷. Надо ещё и всех вокруг научить так же на отличку трудиться. Вот как будет настояще по-стахановски!

Миша мой на слово скор:

– А разве я против?

И стали ему на выучку засылать новичков.

Один за одним, один за одним. Колесом.

Вчера человек от сохи отпал.

Сегодня на соколоч дерёт глаза. Что за диковина?

Поскребёт Михаил затылок, в весёлости вздохнёт, ободряюще шатнёт мужика за плечико:

– Не бойсь. Не боги горшки лепят. Попервах ты в оба смотри, что да как я делаю да на ум себе неси. Припасай.

Горячий в работе, Михаил рвёт с огня, гонит свои стахановские квадраты и науку новичкам подаёт.

Новички...

У этого горбатый угол. У того стена пупом. У третьего буграми. У четвёртого раствор всё валится на голову, хоть и трудолюбиво кидает на потолок. Так кидает как пёпыдя и как нёпыдя!¹¹⁸

Каждому поясни. По сотне раз покажи.

А лучше всего сделай вместе. Всему ясный дай толк.

И трудно было, и радостно.

Многих вывел Михаил к своему ремеслу.

Кругом моему Иванычу уважительность, почёт. Хоть в рамку его да в красный угол заместо иконы...

Это уже так. Хороший человек везде надобен.

Выбрали Михаила в народные заседатели.

Однажды вертается с суда чуть не в слезах. Всего трясёт.

– Не могу! Не могу, Нюра! Как безвинного подводить под срок? Как верить этим?..

Помогаю ему снять пиджак. Лаской выпрашиваю:

– Что за безвинный?.. Кто эти?.. Собери себя. Выскажи по порядку.

Раз по разу сажает кулачиной в кулак:

---

¹¹⁷ М а н т у л и т ь – работать много, с большим напряжением.

¹¹⁸ К а к п о п ы д я и к а к н е п ы д я – как попало и куда попало.

– Эха, Ньюрок! Какой в леших порядок! Тут навыворотку всё. Сплошной кавардак! Тут... значит... Такой тут оборот... Заводу пригнали цемент. Главный заводской инженер отряжает на станцию бригаду. На выгрузку... Уж как у них там что крутилось, только ни граммочки не сгрузили. Зато один из бригады захлебнулся цементом. Страшная смерть... Мне в этой смерти ничего не ясно. А Валяеву, судье, всё ясно. Скоренько отыскал он в своей в уголовной талмудине статьяру, скоренько наискал, кому её припать. Инженер, оказывается, кругом виноватый! Бригада волком смотрит на инженера, мёртво упёрлась на своём: инженер нас не проинструктировал насчёт правил выгрузки. Судья и а-а-а: преступная халатность налицо! Инженер твердит: объяснял я им всё! А где в том их расписки? Нетушки расписок. И в мыслях не было взять. Нечем инженеру крыть... А я ему верю. У него глаза чистые-чистые... Такие глаза не врут! И не к душе мне эта бригада. Я, может, в такое зло на неё не взъехал, если б не-е... Иду в суде по коридору. Иду на заседание на своё. Ан эти архаровцы в кучку овцами столклись. Шепчутся. «... Ну, охломоны, все всё усекли? Никаких антимоний! Бьём в один гвоздок! Понятно?! Про грудное молоко – могила!»

Что за грудное молоко?

Про что именно они уговаривались молчать?

На суде каждый автоматом молотил одно и то же.

Слово в слово.

Чую, навывкладку плутуют мужики. А не ухватишь.

Раскипелся я и ляпни:

– А как насчёт грудного молочка?

Весело переглянулись прокурор с судьёй.

В зале вспорхнул хохоток.

Дядя достань воробушка, к кому я лез с вопросом, картинно охлопал свою грудь аршин на аршин и сбавил голосу. Будто то, что подпирало сказать, он не хотел, чтоб слышал кто другой. Сдавленно прошипел мне:

– Я глубоко извиняюсь за пролетарскую откровенность. Не знаю, как лично вы, товарищ народный заседатель, а я бычок яловый.

Конечно, и я, и Колокольчиков, второй заседатель, наотмашь запротестовали против судьи.

Валяев и всплыл на дыбки:

– Пожалуйста, ваше право. Только и я своё не отпущу. Подам прокурору своё особое мнение. Тоже мне нештатные защитнички!

– Как можно, – ответ кладу, – успроваживать человека за решётку? Вина ж в полном количестве не доказана! Да, инженер бумажно не подпёр, что инструктировал бригаду. Так и бригада в обратки кидается лише голенькими побрехушками. Это раз. Второе. Как один из этой тёмной шатии ухнул в полувагон с цементом? Сам ли он туда ляснулся иль по чьему-то горячему желаньицу? Третье. Почему труп не вскрывали? Да от одного ль цемента сгас человек?... Не-е-е... Дело надо скачнуть на дополнительную доследку. Учинить экспертизу.

– Голубчик! – взмолился Валяев. – Да в своём ли вы, извините, уме? Человек уже два месяца, – Валяев нервно хохотнул, – как с почестями переехал на склад готовой продукции¹¹⁹. А вы с экспертизой!

– Да! Живые не разбегаются петь правду. Так пускай её проскажет мёртвый!

Вот так, вот в такущих словах я и ахни Валяеву. Не я буду, ежели не дожду дело до дела. До ясности.

И дожал.

---

¹¹⁹ Склад готовой продукции – кладбище.

Раскапывали могилу. Открывали труп.

И при всём при том толкся Михаил.

Норовил всё своими глазами увидеть, всё своими ушами услышать.

Не ждал, когда на блюдечке с голубой каёмочкой подадут дело на новое слушание.

И вот снова суд.

– Почему ваш покойный товарищ был пьян? – напрямую спросил Валяев первого свидетеля.

– Что вы говорите?! – поразился свидетель-комедник, в бригаде самый мелкий ростом. – Может, «смерть наступила в результате вскрытия»? Лично все мы трое, ныне живущие, были, товарищ судья, не хваченные. А совсем наоборот даже. Были до смехоты все тверёзные. Как колышки в плетне! А он, пьянист... Одинцом... Оторвавшись от родного коллектива... У-у, неотпойный был поддатик! Ну и... Верно подмечено, всю правду о человеке узнаешь только после его смерти, – и тихо, с укоризной покачал головой.

– А можь, хватя брёху?! – сердито громыхнул в ответ на тот же вопрос самый большой из всей троицы. Тот, великанистый, что на первом суде над Михаилом шутики пробовал шутить. – Эсколюшки возможно жилушки из души тянуть? Брёхом того, с кладбища, не подымешь. Так к чему ж ещё одного ни за что ни про что прятать за Можай? Сразу доложу. Тот, кладбищенский, не наш орденочек. Так что вы его нам не цепляйте. А дело было, – при этих словах он повернулся к Михаилу и кротко, повинно посмотрел ему долгим взглядом в глаза, – а дело, товарищок народный заседатель, было так...

Валяев ужал губы. Хмыкнул.

Конечно, какому судье ляжет к душе, начни все на суде обращаться не к нему, к судье, а к заседателям?

– А дело, – продолжал свидетель, – сплелось так... Вызвал нас главный: «Посылаю на разгрузку цемента». Всё честь по чести объяснил, по каковским это правилам вести выгрузку этой заразы. Ну, порулили мы на станцию... Ну, контрольности вокруг никакой... Бесхозные казаки... Всяк сам себе атаманок... Ну, заскочили в одну «Улыбаловку», керосиновую лавку. В другую... Крепостно подгорячились... «Мелкобуржуазная стихия» чувствительно подкосила нас. И к вагону мы уже добирались на бровях. Упокойный Петро первым докружил вросхмель до вагона. Влез по лесенке на борт. Свесился, потрогал рукой цемент. А я вам доложу... В открытых полувагонах цемент сверху чуток поливают. Подхватывается такая корочка. И цемент в дороге ветром не выдёргивает. На пробу пошлёпал, значит, он эту корочку. Твердоватая! Это-то и подвигнуло его на облом. Он и загорлань:

«Ну вы, нанизу! Шелупонь косопузая! Спорим!.. Ибэдэшники¹²⁰ разнесчастные! Скидывайсь по рваному да намётом гони гонца в ближнюю «Улыбаловку». На спор прошпацирую по цементу! Пройду посреде вагона от этого до дальнего от меня угла и сяду на борт. Там и приму от вас, аликов¹²¹ во кресте и в законе, добытый спором шкалик грудного молока!»

Промеж собой грудным молоком или тёщиной смесью мы прозываем водку.

Не успели мы смахнуть дурачишку с верхотуры...

Я, самый высокий, словчился схватить его за ногу. Да лишь один сапог остался у меня в руках от страдалика... Переломился, перетёк он через борт и вниз коробкой¹²² вальнул в цемент. В мгновение лёпнулся на дно!.. Цементом и захлебнись...

– Почему же вы на первом слушании так прямо про всё про это умолчали? – осерчал Валяев.

– А убоялись, что и нам падёт на орехи. Думали, всё тихо-мирно само сядет на тормозах.

---

¹²⁰ И б э д э ш н и к (ИБД) – имитатор бурной деятельности.

¹²¹ А л и к – алкоголик.

¹²² К о р о б к а – голова.

– Хороши тормоза! – сорванно выкрикнул Валяев и кажет свирепыми глазами на инженера с двумя свистками¹²³ по бокам. – Хорошо, что мы тут!.. Хорошо, что не поторопились. А то б что было?

В суде отпустили инженера из-под стражи.

Михаил жадобно наблюдал, с каким счастьем ринулся тот за своими вещами в хомутку¹²⁴, где сидел в предварительном заключении. Видел в окошко, с каким счастьем выскочил тот из милиции со своим тощим свёртком. С каким счастьем кинулся за угол. Домой.

Бежал инженер к трём малым детям, к больной жене.

У Михаила защипало в глазах.

Запечалился.

– Ну-ну, – свойски подтолкнул его в локоть Валяев. – Не надо лирики. Плоды своего труда надлежит принимать без цветастого лирического восторга... А я вам, дорогие мои заседатели, покаюсь как на духу. Думал, буду нынче вас казнить. А приходится от всего сердца благодарить, звоночки вы мои чистые! Да! Да! Вы у меня вроде звоночков. Если я что не так, если я куда не туда заскочил, вы мне динь-динь-динь! Стой! Подумай хорошенечко! И я думаю, пеликан кудрявый, – со смешком провёл рукой по лысой, как гиря, голове. – У нас на дню по вороху дел. Во всяком доскребись до малой малости. Права на ошибку не дано... Спасибо вам, что сегодня всё так кончилось. А выйди по-моему – мне б и минус. Жи-ирный... Эгэ-гэ-гэ-э...

Михаил не мог понять, говорил Валяев всерьёз или насмехался над заседательской братией. И издёвка, и зависть, и вина, и покаяние, и отступная насмешка – всё свертелось в лукавом валяевском голосе.

Но что именно было на поверку?

Михаил не доискивался.

Давно уже не видимый инженерко всё бежал перед глазами, и валяевский пустячий трёп лился мимо Михайлова внимания, без удержу спешно лился, как вода из сломанного ржавого крана.

– Года... Живость, изворотливость ума уже не те... – всё барахтался в словесной паутине Валяев.

«Иля у него несварение? – думал Михаил. – Будет ли когда конец этому словесному поносу?»

– Как хорошо, – всё не отпускал сподручных Валяев, – что к нам пристёгивают толковых заседателей... Один Колокольчиков... Ещё будь у Михал Иваныча фамилия Бубенчиков, был бы комплект звоночков... Расфонтанился что-то я сегодня... У вас, Михал Ваньч, если фамилия не совсем подходит для данного случая, так зато имя-отчество самые к месту. На Руси как зовут медведя? Лапистый зверь, лесник, ломака, косолапый, косматый, космач, мохнатый, мохнач, лешак, лесной чёрт, сморгонский студент, мишка, лесной архимандрит, мишук, потапыч, костоправ, Топтыгин Михайло Иваныч, просто Михайло Иваныч. Слышите, Михайло Иваныч! Как и вас. Оух, и не зря вас так зовут. Как на что навалитесь – трещи всё по швам, покуда не будет по-вашему! Да знаете ли вы, что за всю историю нашего суда по светлой милости таких заседателей, как вы, лопнуло десять уже дел? Сначала заседатели добивались, что дело откидывалось на дополнительное расследование, после чего и вовсе сворачивалось из-за невинности подсудимого. Вот и у меня первое дело уехало в отставку. По вашей милости. И прекрасно! Спасибо, Михайло Иваныч, что не дали власти ошибке! – и Валяев благодарно понёс руку Михаилу.

Обсказывал мне всё это Михаил с пятого на десятое.

---

¹²³ С в и с т о к – милиционер.

¹²⁴ Х о м у т к а – отделение милиции.

Так, промежду прочим.

Пожаловался:

– Это заседательство полздоровья у меня вырежет... И пускай режет! Абы почаще видеть, как уходит из суда человек с восстановленным дочиста добрым именем... Правда есть, её не съесть... Когда я смотрел, как бежал инженер домой, – слёзы выдавило у меня из души... Чтой-то слаб я стал... Иля старею?..

Я замахала на него руками:

– Ну-у, наскажешь... Только запечатал тридцать третий годок! Сверстник Иисуса Христа. Самолучшие молодущие годы! Ты послушай, что я даве выписала из клюевской библиотечной книжки:

– Тебе только тридцать три года —
Возраст Христов лебединый,
Возраст чайки озёрной,
Век берёз, полный ярого, сладкого сока!..

– Ну, во-от, – смешался Михаил. – Дожил. Заговорила жона со мной стишатами.

– А что, тебе одному ильзя?¹²⁵ Тебе ль тоску в душе вязать?

---

¹²⁵ И л ь з я – можно.

17

Стойким и счастье помогает.

Кончила я на бегах, или, как тогда говорили, ускоренным методом восьминарию (шутейно я величала так восьмилетку), тут же сватают меня на чин «русланки» – вести русский язык узбекским детишкам.

Я вроде того и не против, раз на вязанье будет выпадать просторное время.

Устроили мне экзамен на учительку.

Был диктант в двести слов.

Про гражданку обезьяну.

Ну, я и перестарайся. Такую оплошку дала – ты хошь этого? – три ошибки смастрячила!

Казалось, в русском я смыслю, как коза в лентах. Но в учителя-культурмейцы меня таки кликнули.

Правда, не к детишкам.

В школе взрослых повышенного типа доверили группу отстающих малограмотных.

Проверяешь в первые дни диктанты – сбочь раскрытый учебник. Не уверена где, краешком глаза вкрадливо подглядишь.

А неловко как... Стыд сжигал меня.

«Нет, девонька, подглядки не красивят тебя. Преже¹²⁶ чем школить других, выучись сама. Докажи себе, что ты что-то да можешь. «Хочешь быть на высоте – выбирай путь в гору!»

Со всей злостью навалилась я на грамматику. Пыхтела, пыхтела, пыхтела... Засраб культуры¹²⁷ из меня не выплясался. Зато я наловчилась-таки без ошибок лепить проверочные, раз в четверть, диктанты для культурмейцев.

А там пошла, пошла ладком Анна наша просвещёнка Фёдоровна. Про праздники стала узнавать по грамотам да благодарностям.

У меня их с полкило набежало.

---

¹²⁶ П р е ж е – прежде.

¹²⁷ З а с р а б к у л ь т у р ы – заслуженный работник культуры.

18

Золото не золото, не побывав под молотом.

Когда страна на бой суровый
Своих послала сыновей,
То согревал платок пуховый
Их жен, сестёр и матерей.
Юрий Энтин.

(Из гимна Оренбургской области)

В начале войны вернулась я в Жёлтое и больше никогда его не покидала. Разве что слетаешь куда на недельку отгостить. Вот и вся отлучка.

Сызнова выискивались охотники отрядить меня в учительши.

Только не польстилась я. Ни на какую приманку не сменяла своё вязанье. Ну куда ж такую красу бросить!

А время-горе какое...

Война.

Кругом людей нехватка. Ломали спину если не за двоих, так за троих. Это уж точно.

Днём я на молоканке¹²⁸.

Тока нету. Вдвоём с неразлучницей с Лушей Радушиной сепараторы вручную крутили. Пóтом подплывали. А крутили, молоко пропускали.

На ночь у меня уже другой чин.

Сторожиha того же завода.

Накормлю, уложу детвору да и опрометью с ружьём и с колотушкой на дежурство.

Приди хороший какой мужичара, я б не знала, что его и делать. Стрелять я не умела.

Поставлю ото ружьё под дверь. Вроде как подопру изнутри. Стукалку приклоню к боку.

Рядом с моей оборонщицей мне как-то повсегда спокойней и вяжу, вяжу, вяжу...

Осень.

Под чёрным окном ветрюга бесстыдно, внагляк раздевает черёмуху. Бедняжка стучит мне в окно тонкими ветоньками.

Что? Что ты хочешь мне сказать? Обиду хочешь выложить? Просишь защитить?

Выйти я боюсь.

Да и что из моего выхода? Ураган в карман на пуговичку не посадишь...

На всей Руси ночь...

На всей Руси буря...

Сижу горюю...

Вижу, как с каждой минутой всё меньше остаётся листочков на расстроенной бедной черёмухе.

И то ли мне прислышалось, то ли точно слышу сквозь ветер сосущий голос песни.

Спит деревушка.
Где-то старушка
Ждёт не дожётся сынка.
Сердцу не спится.

---

¹²⁸ Молоканка – молочный завод.

Старые спицы
Тихо дрожат в руках.
Тихо в избушке.
Дремлет старушка.
Мысли её далеко.
В маленьких спицах
Отблеск зарницы,
Светлая даль снегов.
Ветер уныло гудит в трубе.
Песню мурлычет кот в избе.
Спи, успокойся,
Шалью накройся,
Сын твой вернётся к тебе.

За вязкой и навспоминаешься, и наплачешься.
От слёз глаза не разжимаешь. А только никто не увидит. А никто не услышит. А никто не пособит. Такая пора... В каждом доме беды по кому, а где и по два...

Всё в Жёлтом напоминало мне про Михаила.
В Жёлтом мы встретились.
Здесь все называли его «Авдотьюшкин зять, который красивый».
Он в самом деле был красивый и с лица и душой.
Это я поняла сразу после замужества.
В Ташкенте я провожала его на фронт.
Когда это сесть на поезд – опять ведь дойду до валидола после такой переживанки, – я и спроси:
– Скажи, Миша, последнее слово. Чтобышки помнила это слово на всё время.
– Нюронька! Уважительница¹²⁹ ты моя! Дивушко ты моё дивное! Вот что я искажу под послед... Не выходи ещё никогда замуж... Я и живой не буду, а ты всё одно не выходи. Тебя, любавя, никто так больше не пожалеет...
Я дала зарок не выходить.

---

¹²⁹ У в а ж и т е л ь н и ц а – любимая.

19

Если тур и падает, так с высоты.

Фронтовые письма я брала на дежурствия.

За вязаньем раз за разом перечитывала.

Уже через час какой знала свежее письмецо на память.

А ночи просторные.

Спрячешь на груди вестыньку, по памяти рассказываешь её самой себе пропасть ещё сколько дней, покуда не надбежит новая грамотка...

1942 г. ноября 26-го

Здравствуй дорогая моя супруга Анна Федоровна от супруга вашего Михаила И посылаю я тебе сердечный привет и желаю быть здоровой, Еще привет моим дорогим деткам дорогой моей дочке Вере и дорогому моему саратнику Шури посылаю я вам горячей скупливый привет и желаю в жизни вашей хорошего здоровья, Еще привет мамаше и Оне и Нине Владику Вали и Милочки посылаю я вам горячей привет и желаю в жизни вашей всего, наилучшего Еще Нюра сообщаю письмо я ваше получил 25 октября в котором узнал где ты работаешь и как живешь я очень рад что вы живы и здоровы мне больше ничего не нужно я тоже пока жив и здоров Нюра не думай про меня что меня ранили Еще не имею никаких ран Так Нюра я тебя обманывать не буду если бы я был ранен то я бы тебе сообщил я нахожусь (военный контроль чёрным облаком затёр, закрыл гостайну из одного слова) фронте (замазано чёрным карандашом) где гитлеровскую армию скоро разгромим Нюра я лежу пишу в окопе на коленке, извини что плоховато Нюра если только нуждаешься в хлебе то продай все мое и купи чего тебе нужно запаси картошки на семена сколько нужно и я прошу или продай или сменяй или сменяй на хлеб и картошку это будет верно сама должна понять если это возможно если я жив буду то наживем Нюра я получил письмо из горкова тятяка помер остались дома мама и Наташа двою они меня зовут они держат корову и телка хлеб у них есть Нюра если крайне плохо будет хлеба и если можно будет туда проехать то лучше уехать, туда если уже до крайности будет у вас плохо утёральник у меня голоши я износил писать больше нечего жив и здоров того и вам желаю дорогая моя супруга Нюра и дорогие мои детки до свиданья Блинов М И Я очень соскучился обо всех вас пиши скорей ответ

Ну вроде все Нюра а то устанешь читать и разбирает мои ошечки Еще прошу уж ладно Нюра поправляй мои ошечки и сама ставь знаки не понимаю где чиво ставить Ты уж сама определи кому куда бежать Я напишу знаки, – !;? а ты любиночка скамандуй им по местам.

Да, со знаками препинания, с этими точками-запятыеми, Миша мой не ладил. Совсем не мог ими командовать. Был с ними если не на ножах, так беда как в плохущих отношениях и вовсе их не признавал.

На всё вот это письмецо, что в спехе настругал химическим карандашом, одна-разъедина точка прилегла только в самом в конце да где-нигде покидал крючья запятых.

А так рука у Миши хорошая. Буковки живые всё. Глазастенькие. Сыто и весело ровно стоят улыбаются в рядках. Не спотыкаются, не валятся, как у меня, со строчек.

«Не волнуйся мы еще заживём по-настоящему».

Это из другого ветхого ободрышка.

Военная заверюха подломила меня. Месяца на три затолкала в больницу. Туда соседи и принесли суровую открытку. Слева сверху чёрная наша звезда с серпом и молотом в середине. И вправо чёрным предписание:

Будь бдителен, сохраняй военную и государственную тайну. Разглашение военных секретов есть предательство и измена Родине.

Справа от адреса штампик с гербом.

Просмотрено Военной Цензурой

Кто же это бросает мне такие строгие послания? Отпускаю глаза на низ. На отправляющего.

Гм-м...

ППС 1419—1279-й стрелк. Полк 3-й б-н.

Политрук 3-й роты ПТР Привмин.

Переворачиваю почтовую карточку.

15/VII – 42 г.

Уважаемая Анна Фёдоровна!

Уже более двух месяцев как Ваш муж Михаил Иванович Блинов не получает от Вас писем, это отражается на его настроении. Он очень беспокоится о Вас и детях.

Ваш муж, отличный боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии и заслужил, что бы ему из дому писали письма почаще.

Может быть Вам нужно в чем нибудь помочь, то в пределах наших возможностей, мы можем это сделать. Если Вы сами не хотите огорчать мужа, то пишите ему почаще.

Напишите мне, если будет время, как Вы живете.

С приветом

Политрук 3й роты ПТР Привмин

Досекретничалась девка!

Боялась правдынькой тревожить Мишу.

Так он, колотун, сам побег по буграм¹³⁰.

С политруком я не ввязалась в переписку. Неровно стояли. Да и с чего возрази чужому человеку свою душу выворачивать?

А Мише покаянно сочинила.

Мол, вконец замotalась. Круглосуточная работа, дети, козы, огород...

Про больницу и не упомянула.

Так он прислал из военной больницы. Из госпиталя. Вот это коротенькое. Помечено двадцать пятым декабря сорок второго. Последнее.

Дорогая моя Нюра я лежу в госпитали в Баку ранен я тяжоловато в ноги но наверно мы из Баку уедим в Среднюю в Азию На этот адрест письмо не пиши я тебе сам напишу другая я тебя только известил, что я ранен Нюра не бойсе что я уже совсем калека Писать большие нечиво дорогая моя супруга По всему видать что после лечения я приеду домой или в отпуск или насовсем лечат нас хорошо

---

¹³⁰ Б у г о р – начальник.

До свиданья многоуважаемая моя супруга Анна Фед и многолюбящие детки мои доча Вера и сыночек Шура Желаю быть в жизни вашей всего наилучшего Блинов М И Писал лежа.

Я знала, в обмен на жёлтинские платки заграница слала нам в страну лекарства.

Может, думала я в ночной проходной за спицами при коптилочке – сторожу на дежурствия керосину не давали; жгла я помалу свой, из дому, на всё про всё получала я того керосину один литр на месяц, – может, думала я, самые разнужные лекарствушки за мои за платки попанут и в Баку на Мишины на ноженьки?

На ту пору в Баку жила его сестра.

В письме она рассказывала, как перед концом Михаил очень просил капусты. Купила капусты, крутнулась нести.

А тут дом обворовали. Паспорт стащили.

Живой рукой выхлопотала паспорт. Примчалась – вечер госпиталь пробомбили и Михаил погиб при военном действии.

Погиб.

В возрасте Христа.

Вскорости пришла мне выключка¹³¹..

«Сорок пятому году не досталось тетрадей —
За войну всю бумагу похоронки истратили...»¹³²

---

¹³¹ В ы к л ю ч к а – похоронка.

¹³² Из стиха Геннадия Хомутова.

20

*У хорошего коня ровный бег,
у хорошего человека твёрдое слово.*

В тридцать четыре я овдовела.

Но ещё долго давала вид хороший.

До сорока пяти всё звали девушкой. Всё сватались. Да только была я ко всем мышинным жеребчикам¹³³ дерзка. С перевивом.

Последний отказ мой был в сорок пять.

Прискакал тогда осенью один саракташский. Нагрязнул из самой районной столицы! Стало быть, дери нос к небу. Кавалер всерайонного масштаба! Шишкарь!

Поздоровался с чересчур старательным поклоном, заложил руки за квадратную спинуцу метр на метр, распавлинился и ну на рысях молча метаться с перевальцем из угла в угол по комнате, ровно тебе муравей в горячем котле.

Иль его, думаю, волнение забирает, на что никак вроде не похоже. Иль крупно запаздывает ещё куда. А сюда дождюрой его вбило. Переживает.

А что, думаю, вот забегается бабыляй в смерть? Угорит? На кой-то мне такой барыш? Я и спроси масштабного жениха (а громадища был, с печку):

– А вы извините мне, кургузой душе, мою жёлтинску прямоу. Вы что ж, укушенный¹³⁴ будете?

А он как с перевальцем распахивал, так и распахивает всё в одной силе.

Чудится, ни под каким видом не слышит.

Только подумала я, что не слышит, как он, чисто тебе в пику, посереёдке комнаты стал хорошим столбом и спокойнушко так входит в ответ. Будто никакой молчанки и шнырянья не было и в помине:

– Нет. Из нетронутых буду я... Не разводник...¹³⁵ И дня не цвёл в семейном раю. Но жутко позывает. Очень чувствительно кизикает меня это дело. Таких в Саракташе и в округе на две тыщи вёрст не водится. Холостой – полчеловека! А в немецкой стороне цена холостому и того плоше. Знаете, как у немцев будет холостяк?

– Скажете – узнаю.

– Альткинд. Перевести если – старый ребёнок. Страшно-то что! Навроде и не был взрослым, навроде ребятёнком так и износился. Остарел. Никакой почки от тебя. Никакой веточки. Никакого своего и самого тоненького корешка не пустил в русский в народушко. Так и засох дитятей-пустоцветом.

– Ну на что эдако страшать-то себя? – Жалость берёт душу мою в мягкие коготочки. – Повстречаете ещё.

– Вдогонку своей судьбине я не поклонюсь. Будто по злему року моей фамилии всё рассохлось... Велик телом, да мал делом... В моём возрасте уже... На лужок с чужими внучками не жиманёшь. Зазорно да и некогда. Всё то война, то работа... Ждучи поп усопших, да и сам уснул. За беготной за работой за моей – а, поперёк её! – так вот скапустишься и жениться позабудешь. А ведь грешен. Ну манит же, чтоб-с и жена сияла при мне в ясной наличности, и бельмешок¹³⁶ чтоб-с святой окроплял водичкой своей мне коленья по праздникам. Хоть бы

---

¹³³ Мышиный жеребчик – волокита, юбочник.

¹³⁴ Укушенный – разведённый.

¹³⁵ Разводник – мужчина, расторгнувший брак.

¹³⁶ Бельмешок – грудной ребёнок.

одинёшек колосочек выколыхати на разводку... До-о-о-ро-го бы дал, абы до внуков до своих докашлять. Эвона какой я наполеонище! А сам же, каюсь, боюсь вашу сестру. Будто землетрясения векового!

– Помилуйте! Да откуда у вас всё эти страхи? Вы ж и дня не терпужили в семейном звании!

– Если б я ещё и не слышал. Не закладывайся за овин, за мерина да за жену! Железо уваришь, а злой жены не уговоришь. Была жена, да корова сожрала; да кабы не стог сена, самого бы съела! О! Или... Дважды жена мила бывает: как в избу введут да как вон понесут! Э как! Это в большую редкость, какой супругник без претензий к хозяйке. А то только и слышишь: пила деревянная, бензопила «Дружба», кочерга калёная, гусыня шипучая... Чего-чего ни слышал, а всё ж туда зовёт. К пилке. К «Дружке». Устал, поверите, мандражировать. Прямо извилины задымились... Вот насмелился, гляючи под заступ, криводуй несчастный.

– Да-а, – покачала я головой. – Года ваши не мальчиковые. За полста занесло?

– А то! Ещё... Не в прошлую вот весну, не в ту – а в по-за ту ещё весну... Позалетось...¹³⁷

Навпрочь отгодился!

– Захолостовались...

– Захолостовался, вселюбезная Анна Вы Фёдоровна...

Он зачем-то наклонился к сапогу, поднялся скалой и только со всего саженого плеча а-а-а-ах! вилок в стол и нехорошо так засмеялся, заподабривал, как вилка, что на палец вбежала в доску, по-скорому кланяется то в его, то в мою сторону:

– Два удара – восемь дыр!

На всякую случайность отхлынула я подаль к порожку.

Шлю вопрос:

– Это что ещё за фантазия на вас наехала?

– А такая моя фантазия, Анна Вы свет Фёдоровна... Нету у Вас друга ближе платка. Никуда-то он, во всю голову цветок, не уйдёт от Вас, не уйди Вы сами... Так нету, – он тяжело провёл широкой, на манер лопаты, ладонью по совсем лысой голове, – так нету и у меня, пня кудрявого, подруги против этой щербатой вилки. Всю послевоенку раструсил я по командировкам. С начала ещё войны и до сёдни при мне за голенищем живёт. По все дни кормила меня эта вилка Два Удара – Восемь Дыр.

Он подал мне свою вилку.

Смотрю, на черенке гвоздком так наискоску нацарапано:

«Рассыхаев. Сталинград. 26.10.41 – Берлин. 10.5.45».

Я ахнула:

– В такой час прокормить!

– И потом... Привык, знаете, как к живому к человеку. Ну да ладненько... Ну что мы всё про меня да про меня? Полно про меня. Давайте про нас. Не надоело Вам с одними с этими стенами? Не кусаются? Что б Вам да не пойти за меня?

«Однако прыткий, – думаю. – Как впросто... Такому легкому присвататься, что воды попросить напиться».

– А зачем, – в ответ это я, – именно вот мне, чужемужней жене, вы всё это говорите? На что я вам, если по-хорошему, пятая дама в колоде? Да с двумя гаврошками?¹³⁸ Ну на что

---

¹³⁷ Позалетось – в позапрошлом году.

¹³⁸ Гаврошек – ребёнок.

вам старая коряга? В Жёлтом у нас беда эсколь вдовушек-армеек¹³⁹ и подмоложе, и послаще глазу! Ну на что вам безвременка?¹⁴⁰

– Я множок раз видел Вас на улице со стороны. Потому я и здесько. А ещё... Именно Вас люди богато хвалили. Не манихвостка¹⁴¹ какая там... Жену выбирай и глазами и ушами.

– С бухты-барахты кидаться в такой омут? Да вы наовсе из ума выпали! Иль вы безбаший?¹⁴² Иль вы до сегодня и разу не учёны, как это слушать людей? Людям что карася повернуть в пороса, что из мухи выработать слона. Дорого не возьмут. Люди наколоколят, а меня в полной в точности вы не знаете... А мне палец под зубы не клади. Кусаюсь по первому разряду.

– Мне нравится, как Вы разговоры разговариваете. Не хвастаетесь... Не выхваляете себя... Меня предупреждали, что Вы колюбая, ответите на первый раз с ядком. Но сразу же и успокоили: не бойтесь её. Она не мармонка¹⁴³, не какая там вообще Гюрза Мамбовна¹⁴⁴. А до крайности добрая...

– Ах, мать твою под тютю! – окрутила я. – Была добрая, да вся вышла!

Убрался он с моего духа на полях.

Ишь, короед окающий!¹⁴⁵ Утешил! Не какая там Гюрза Мамбовна!.. А чтоб тебя баба-яга в ступе прокатила до самого до твоего Саракташа!

Марец¹⁴⁶.

На дворе уже рядилась молодая весна.

Под окнами темнел грязный снег.

Я лёжкой лежала с гриппом.

С вечера трудная куражилась надо мной температура. Жар-сороковушка. К свету вроде помягчело.

Видю: дверь под слабой пружиной приоткрылась на палец, ясно нарисовалась Пушкина лапка. Под её рывком дверь насилу подалась ещё. Неслышно, без звука серой лентой втёк отошальный гуливый коток наш.

Уже при солнце (полоска его отогревалась ещё живым вчерашним теплом на оконном боку расписанной цветами печки) заявился с грязными ногами рыцарь ночи со свидания. Постоял на тряпке у порога – вытер! – выгорбил в беге. Толкнулся в протянутую руку мою. Трётся. Как же, соскучился за ночьку...

Коты – ну хитрая что да ласковая публика.

И умнющая же!

Потёрся с минуту какую, поворковал, будто попросил прощения за шальные ночные вольности во дворе с блондинистой вавилонской блудницей Сонечкой (они «дружили домами»). И снова на улицу. К бедовой к соседушке своей Сонюшке Вовк.

Только его и видали.

В марте и котов забота сушит...

Едва пропал с виду Пушок мой, ан слышу слабый хлипкий стон снега под ногами и стук в дверь.

– Сыновец! Сашоня! – отрываю парубка от уроков; на высоких тонах учил взубратку какой-то стишок. – Сынок! Глянь-ка ну, кому это мы край спонадобились там.

---

¹³⁹ А р м е й к а – солдатка.

¹⁴⁰ Б е з в р е м я н к а – сено из травы, скошенной в конце лета, поэтому потерявшей свои питательные качества.

¹⁴¹ М а н и х в о с т к а – ветреная женщина.

¹⁴² Б е з б а ш и й – бестолковый.

¹⁴³ М а р м о н к а – одинокая женщина, которая живёт замкнуто и чуждается общества.

¹⁴⁴ Чёрная мамба – одна из наиболее опасных и ядовитых змей в Африке.

¹⁴⁵ О к а я щ и й – окаянный.

¹⁴⁶ М а р е ц – март.

Саша живой ногой обернулся в момент.

– Ма, – шепчет, – Два Удара – Восемь Дыр! Не отворять? А?

– Раз нагрязнул этот погостёна¹⁴⁷, пускай.

А сама думаю: «Какое движение... Один жених на двор. Другой со двора. Везетень весь день! Весна что значит...»

Комната враз стала тесной, зябкой, как только усунулся горой этот старый бабский угодник.

Не успел ноги за порог занести, уже лыбится. С такого с дурахи много масла не выбьешь.

Молчаком пихнул кепку под мышку, одавил ладонью остатние сивые уже кудерюшки над ушами-лопушками. Прикачнулся к дверному косяку.

Стоит себе полыхает бестолковой радостью на все боки.

– Здравствуй, хозяйюшка! – горлопанит. – Не мало ли Вас? В тоске не ждали ль нас? Весела ли Ваша хата? Не простужается ли Ваша госпожа печка? Не кашляют ли Ваши вельможные панночки мышки-норушки? Здоровы ли Ваши кокурки и пироги?

И потише, с поклоном:

– Низкий поклон Вашей большой пригожести...

Проговорил Рассыхаев это вроде как не без смущения.

Потупился.

Приветом своим распотешил меня этот слонушка.

Но виду я никакого не подаю.

Знай, баба, свои спицы да смалчивай.

Лежу не улыбнусь в ответ. Приподзакрывает чуток глаза. Выжидаю. Хочу поймать, а куда это гужеед гнёт?

А может, кумекаю, кокурошник¹⁴⁸ выронил из памяти, за каким кляпом залетал сюда давеча? Ему что, брякнул – слово улетело. Взабылось...

Ан нет! Слышу, как он тихо-натиho пеняет себе:

– Не торопись... Человек ты простой, у двери постой... По барину говядина... Стой и жди! Понял, разнесчастный двукочий верблюдо¹⁴⁹?

Наверное, подумал он, что по ветхости я не могу прослышать его. Но я уловила всё-шенько до печального вздоха. Однако удержала себя в прежней линии. Подмалкиваю.

Ждёт-пождёт он – я всё промалкиваю, и он – ну тишкину мать! – опятьюшки за своё романсьё. Руки в боки. Вытянул в изгибе шею.

Навадился Рассыхаев петь!

– Милушка, побойся Бога!

Полюби меня навек.

Полюби меня навек,

Я хороший человек!

Я всё отмалчиваюсь.

Бросил он гудеть. В грусти сронил руки с боков.

– Какая Вы молчаливая...¹⁵⁰ Впряме икона... Я помню, как Вы даве обкормили меня безбокой дыней¹⁵¹. И всё одно я снова тут... Прости, свет душа... Повиниться пришёл... И...

---

¹⁴⁷ Погостёна – человек, который любит ходить в гости.

¹⁴⁸ Кокурошник – ироническое прозвище оренбургского казака, данное за любовь к кокуркам.

¹⁴⁹ Двукочий верблюдо – двугорбый верблюд.

¹⁵⁰ Молчаливая – молчаливая.

¹⁵¹ Накормить безбокой дыней – холодно принять.

Неужель за зиму не извелись? Удобствия какие? Дрова руби. Печку топи. Воду таскай... Да я б Вам, Анна Вы жисточка моя Фёдоровна, за громовую радость всё то делал бы сам. Не бойтесь, толстой моей шее вовек избою не будет. А потом... Всё какой-никакойский ребятишкам родителец. Ну на что нам в прятки играть? Ну что бы нам да не дышать в одну сторону? Ну что бы нам да не подпароваться? Может, в соглас войдёте, цветочек мой лазоревый?¹⁵² А?

Покачала я головой. Вздохнула...

Хотела было ответить. Да рта не успела открыть, как лицо у него взялось румянцем. Посыпал словами, что горохом твоим:

– Ежли отказывать, так Вы уж, подайте Божью милость, почём зря не спешите. Не имейте на то полного правия! Не смотрите, что я престащущий... страшон, как три войны и все мировые... Знаю, не по товару я купец. Всё одно поначалу проколупали б, кто я, какой я...

«Яснее ясного, – смеюсь в душе, – первый парень. Первый парень на деревне, да в деревне один дом. Только не везёт. На товар лежалый наскочил купец неженатый. Пара не пара, марьяж дорогой... Эха, кокурки, кокурки плывут по Сухушке...»¹⁵³.

– Скатайте, – далее накручивает своё, – в Саракташ. Я не чуждадец какой. Знаете ж, из Саракташа. Не стебанутый какой там... Доподробно поспрошайте соседев. А там и кладите отказ... Голубок птица. Петух тоже птица. А любовь какая у них? Сами, прошу за петуха извинения, в курсе дела. Про себя только скажу, не кочетиного я семени. Не робейте за меня идти. Оно, как советуют старики, главно дело не робь: греха на волос не будет... Морщитесь... Не нравлюсь, надо быть... Ну... Чего его некаяться? Наврозушки нам нельзя. У нас же одна линия! На обоих беды верхом круто катались!.. Мы ж... Хоть круть-верть, хоть верть-круть, а однокручинники, одноползники. Ну?.. Красоту на сберкнижку не положишь. А привыкнуть к человеку ещё даже как возможно! Сойтись для началки б токо... Счалиться б... А там, ластушка, заживём одним углом. Смилюемся!

Ну озадачил, будто поленом в лоб. Вот блин ты сухой-немазанный!

Вздохнула я ещё шумней, надёрнула на себя вид безразличный и вместе с тем потоскливый, скорбный да и докладаю:

– А-а!.. Отголубила я своё, раздобруша... Не надышу много... Не жиличка я на этом свете уже.

– А что так?

– А туберкулёзница я.

– Ну и что ж, что туберкулёзница! – обломно обрадовался он и засиял именинником. – Я сам туберкулёзник!

– Вот те номер! На что ж нам тогда, соколок, два таких хороша свивать в одно? Гнилое гнёздушко погибелью венчано.

– Наоборот! – громыхает на басах. – Лучше вдвоём!.. Вместях! Лучше вместе два таких хороша против двух плоха поврозь! Подврозь нам нипочём не годится! И потом... Я-то, едрикопалки, туберкулёзник, ей-пра, бывший. Меня выходили. По такой лавочке завелась у меня прорва знакомцев из врачунов. Хошь, сей же час повезу по ним. Брешут, вызволят и тебя! Да я до Москвы добегу! На ладонках вот на этих снесу в самую свет Москву, чистая ты тропиночка моя утренняя! Дохилеем союзом каждый до ста и не охнем!

– Поздно, голубочек... Уже, – пускаю во все повода, накручиваю, – третья стадия. Лечение не принадлежу...

Дала я веру напридуманному горю своему, затужила-пригорюнилась да как навсправде зареву белугой. Жалко себя стало.

Сашоня мой тоже ударился в слёзы. Хлынули в три ручья.

¹⁵² Лазоревый цветок – степной тюльпан.

¹⁵³ Так саракташцы дразнили воздвиженских казаков.

Подбежал, жмётся мокрой щёчкой к руке к моей.

– Ма! А я не пойду с тобой взамуж... Ну, айдайки не пойдём! А?

Я и не собиралась.

Верной была женой и по смерти буду верной вдовой.

21

Смелость силе воевода.

Ну и стопроцентная кулёма! Не верная вдова, а непроходимая баба-дура! – выпевала мне по-свойски Лушка моя Радушина.

– Я, Луша, клятву не умею рушить...

– А! Клятва-молятва!.. Ну что за кислое чертёвье¹⁵⁴ ты вешаешь мне на уши?.. Подумаешь, клятву она дала! Да это просто слова... Сказки Венского леса! А всё счастье, христарай-сурай¹⁵⁵, не в клятве. Прямо ну злость печёт, язви тебя в пуповину! Ведь только ну саксальная глупыня не меняет линию. Главно в жизни, это как карты лягут. Карты к тебе с добром. А ты к картам – своим багажником. Ну не бабахнутая? А чего кобызиться?¹⁵⁶ А чего так колдыбаться?¹⁵⁷ Иля ты на голову контуженная? С твоей же с собачкиной верности масло не падёт на хлеб. Мёду, что тоже, будь покойна, не опиться. А пришатни к себе какого надёжного привальня...¹⁵⁸ А выпорхни замуж вповтор, так за мужниной за спинницей всякая бедушка обтекала бы тебя, как ласковая, покорливая водичка камень. Жила б себе кум королю. А ты, рухляйка¹⁵⁹, всю войнищу пробегала в пятнашках-пегашках!¹⁶⁰ И не таскала б, горюша, на базар последний, с головы, платок...

А и вправде скрутилось такое...

Знамо, сапожник без сапог, платошница без платка.

После каждого платка остаётся всегда в клубке немного пряжи. Что с нею делать? Выбрасывать? Глупо. Из этих разноцветных остаточков и свяжешь себе горькую пегашку. Свяжешь и носишь сама.

Это уже под самый под венец войны.

Снег слился со взлобков.

А холода ещё крепостно так подпекали.

Сработала я себе тёплую серую пуховку. Повязала в первый раз. Да не возрадовалась обнове. Совесть стало что-то перед самой собою.

– Что ж ты это, девонька, – корю себя в зеркале, – прикоролевилась, словно семнадцатка? В доме ж у тебя харчу – мышам нечем разговеться!

Плохо ох было тогда с продуктами. На троих давали мне на месяц всё про всё девять кил муки. Хлебушка каждому доставалось лишь в зубах поковырять¹⁶¹.

Шатнулась я в скажень¹⁶² в Оренбург. На толкун¹⁶³.

Повезла обнову на продажь.

А снять с головы не отважилась. Потацишь в узелке, так какой чертяка ещё и выхватит у деревенской раззявы. Прощай тогда пуховка! А с головы сорвать не всяк крадун допетрит

---

¹⁵⁴ Ч е р т е в ь ё – чушь, вздор.

¹⁵⁵ Х р и с т а р а й – с у р а й – нищий, обездоленный человек.

¹⁵⁶ К о б ы з и т ь с я – артачиться.

¹⁵⁷ К о л д ы б а т ь с я – жить-мучиться.

¹⁵⁸ П р и в а л е н ь – мужчина, которого одинокая женщина приняла в свой дом.

¹⁵⁹ Р у х л ь я к а – оборванка.

¹⁶⁰ П е г а ш к а – платок, связанный из пуха разного цвета.

¹⁶¹ В з у б а х п о к о в ы р ь т ь – о слишком малом количестве хлеба.

¹⁶² С к а ж е н ь – снежная выюга с холодным северным ветром.

¹⁶³ Т о л к у н – вещевой рынок.

да и не посмеет. А потом, думаю, пускай напоследке пошikuет моя головушка в тепле. Это не во вред ей.

Только я на́ рынке – а на рынке у нас завсегда платков, что грязи, полно, – только я платок с себя это кинула через руку, осталась в бумажной косыночке, ан вот тебе подлетает какая-то вёрткая такая старая жига, матёрая, видать по всему, спекуляшка, и хватъ рудыми от курева пальцами лишь за пух мой платок на косицах¹⁶⁴, – а громадина, ну прям тебе с полнеба! – и в задумчивости зацокала языком.

Тягуче сипит в нос:

– Уроде омманом не пахнет...

Перевернула платок, снова цоп за один пух.

– Уроде ноне в обед не будет ему сто лет...

Ухватила в другом месте.

– Уроде не от первого козла...

Испытанка какая!

Мёртво прикипели обе глазами к платку: держится всё про всё на нескольких пушинках.

Какое-то недоброе у старухи лицо. Вижу, ждёт, что плат вот-вот сорвётся. Тогда она может и тычка мне в лицо дать за такую халтуркину поделушку. Отменными слывут платки, что не падают, когда их держишь только за пух. Значит, весь платок из чистого, вышней качественности, пуха, а не бог весть из чего.

Платок держится молодцом.

Падать тёплым облаком к ногам и не думает.

Старуха притомилась держать на весу.

Заблажила ковыряться иглой. Ясно отделяет пуховую нить от хлопчатки.

Ну титька тараканья!

Всплеснула я руками:

– Бабанюшка-колупаюшка! Да за кого ты меня принимаешь?.. Божечко видит и ты тоже, делано не на ковыль-костыль... Моченьки моей нетушки... Не дурю... Козы свои, жиром подплыли. Себе вязала... Из персюка!¹⁶⁵ Да прищучило...

На слова на мои она ноль сочувствия.

Упряместо молчит. Знай ковыряется себе.

«И когда эта испытка кончится? А чтобушки тебе, клещебойка, на посмех ежа против шерсти родить!» – сулю ей про себя. А сама дёрг, дёрг это из воньких табачных клешней платок – ещё не охолонул от моего тепла.

– Ковырялка! Он тебе не нужен, родимец ты хлыстни! Отковыливай... Отдавай-сдавай сюда!.. Закрываем эту хану-ману...¹⁶⁶ А штуковина, скажу, знатная. Хотешки на рентгений проверй. Ей-бо!

– Не божись, в долг поверю, – уже домашне, в ласке пролыбнулась старушка. – Знаю, раздумье на грех наводит. Но ты потерпи, милостивица. Божечко терпел и нам, сказывают, велел... Я полмешка купилок отвалою. А на кой мне ляд за такой капиталище чулок на голову?

Ишь, дошлая что! Всё-то она знает...

В ту военную пору хлопчатобумажные нитки для вязки днём с огнём в магазинах где не добудешь. Мы распускали обычные чулки. Нитку красили. Вязали. Греха тут никакоечко. За такое никто не налепит шишку на горб.

А вот ежели покупатель от чулочной нитки иль, как её называют, шлёнки, не отделит пуховую – тогда лихо: пуха в платке самая крайняя малость, вплели скорей на показ неопытному

---

¹⁶⁴ К о с и ц ы, к о с и ч к и – кончики платка.

¹⁶⁵ П е р с ю к – сорт тонкого козьего пуха.

¹⁶⁶ Х а н а – м а н а – пустые разговоры.

глазу. Эта малость пуха по-быстрому снашивается. Остаётся одна шлёнка, по хваткому слову, чулок на голове...

Наконец-то мы утолковались.

Старуха, довольная, вчетверо переломила окаянный платок, положила на грудь, стала враз толстая. Ну лось лосём. Крадливо погладила, перекрестила платок. Застегнула пальто на последние верхние пуговики и тяжело взяла шаг к выходу с базара.

Не было ни гроша. Да вдруг эка оказия нагрянула!

Навалились полных три тыщи!

Это ж купишь пуд муки!

Калиты¹⁶⁷ у меня нету. Денюшки я посадила под булавку в потайной карман. Перекрестила. Сидите мне тихо!

А непокой всё одно шатает душеньку. Булавка – нашла защитность! Да карманной слободы тяглец¹⁶⁸ мне её одну и спокинёт! Уж лучше в руках держать.

В мешок, поверх тапок, определила я в марле свою выручку.

Прижала к груди обеими руками.

Тумкаю, что ж мне брать сперва.

А на толчке, на этом «рынке по продаже вещей с рук», народищу – сельдам в бочке раздольней.

Сердечушко у меня подёргивает.

Я это рвусь, где посвободней.

Кой-как выдралась из толкухи на простор.

Глядь – жульманы низ мешка аккуратненько так счесали, уволокли вместе с одной тапкой. Зато вторая тапка да деньжанятушки впридачу – деньжанятки-то повыше! – всё моё всё при мне!

Обдурачила я, кривоныра¹⁶⁹, жульманов! Провела!

Рублята-лягушата скорёхонько упрыгали от меня кто куда.

Взяла того, сего...

Нахватала на живую руку муки, отрубей, соевой макухи да и попёрла под завязку два пуда к вокзалу.

Кассирка кинула мне билет до Саракташа.

Сказала, Жёлтое поезд прошьёт без останову.

Уже в вагоне справилась у проводницы – останавливается!

Я было бежаком назад, к кассе, докупить билет – поезд стронулся.

Ну, ладно. Еду.

В Саракташе я не слезла. С провиантом не топтать же шпалы. Двадцать пять вёрст!

Другой поезд подбежит только завтра. А дома детвора – одна, голодная.

Сижу подмалкиваю.

До Жёлтого было уже вёрст так с восемь.

Подходит проводница. Белокурва-дробь. Метр с кепкой на коньках. Носастая, мелкорослая корова. Ну бока лопаются!

– Ваш билет? – и протянула шмаходявка¹⁷⁰ руку, будто я подаю ей что.

Руку-то она протянуть протянула. А сама там важняющая что. Дышать прям нечем! Глядит не на меня. Уцелилась мимо посверх меня. В окно.

---

¹⁶⁷ К а л и т а – сумочка для денег.

¹⁶⁸ К а р м а н н о й с л о б о д ы т я г л е ц – вор-карманник.

¹⁶⁹ К р и в о н ы р а – пройдоха.

¹⁷⁰ Ш м а х о д я в к а – невзрачный, не внушающий доверия человек.

Меня это зацепило.
Да нечего киселя молить!
Я тоже метнулась пялиться в окно. Внимательно. Солидно. Будто твоя индюшка.
Провожанка пыхнула:
– Би-лет!
– Ещё ж в Оренбурге я вам говорела, что кассирка...
– На баснях ревизор дырки не бьёт! Би-лет!
Провожательница смертно добивалась билета.
«А-а, будь что будет... Раз и слушать не хочешь...»
От шутоломной радости, что вертаюсь к своим к горюшатам не порожняком, скакнуло меня чуток поманежить проводничку.
Неторопливо достала из марли в тапке билет, какой у меня был. Подаю.
– Этот вас устроит?
Голос у меня подсмеивается.
Зыркнула провожатка вполглаза – шваркнула мне в подол.
– Ты что дуrolомом суёшь?
– Что есть.
– Негодён!
– На свой нос¹⁷¹, другого у меня нету.
– Но этот негодён! Понимаешь?!
В удивленье вскинула я бровь.
Посередке игру не бросай!
– Ехала сколь... Был гожий... Теперь ах вдруг негожий... Вот так штука. Где-ка ж он подпортился?
– В Са-рак-та-ше!
– Тут и езды на копейки на какие...
– А хотыша и на грош! Я по службе спрос веду! Я должностью исполняю!
Проводница распалялась, вскрикивала всё грозней, всё авральней. Прочно входила во вкус.
Бросила я вязать игру.
Без прежнего смешка в голосе потишком утихомириваю:
– Будет шуметь-то... Ну чего вскудахталась?.. Ну... Первый раз в жизни таковское произошло... Не убивайся ты уж в шишки. Не облапошу железную твою дороженьку. В Жёлтом, покудушки поездок свои пятнадцать минут выстоит, хватну я в кассе билетку на твой же поезд до Кувандыка. Вдвое надальше, чем от Жёлтого до Саракташа. Суну тебе билетину, а сама пойду гладить стёжку к домку к своему.
– Ага! На дурёнку набежала! Влезь в рот в сапогах¹⁷² ещё к кому! А я в сам в трибуналий¹⁷³ тебя закатаю. Нехай на всю мерку штрахонут!
– Сдавай. Только застегни свой свисток¹⁷⁴ на все пугови.
– Я при исполнении! А она – рот затыкать!
Лопнула моя терпелка.
– Послушай... Эль тебя черти подучили? Чего призмеилась-то? А чтобушки те на ноже поторчать!

---

¹⁷¹ Н а с в о й н о с – на беду.

¹⁷² В л е з ь в р о т в с а п о г а х – обмануть.

¹⁷³ Т р и б у н а л и й – отделение милиции.

¹⁷⁴ С в и с т о к – рот.

– Ты чё? – задыхалась освирепелая провожатая. – Чё?.. Раскатываешь!.. Без билетища!.. Да стращать исчо! – И всё на мешок на мой только зырк, зырк. Уж больно он её поджигал. – Ха! До сблёва ж замумукала!..¹⁷⁵ Свой трибуналище сострою!

Провожатка ца-ап мешок за хохол да и ну волоком к выходу.

Сдёрнуло меня ветром со скамейки.

И так и так ловчу вырвать у этой обротно́й змеищи¹⁷⁶ мешок – ну не за что крепонько ухватиться.

Покуда я кумекала, как отбить своё добро, ан мы уже в тамбуре.

Расхлебенила провожатиха дверь нарастопашку да тооолько шшшварк мешок мой – с поезда!

Божечко праведный!

Потемнело всё у меня перед глазами...

Пришатнулась к стенке...

Ни жива ни мертва...

«Что ж я повезу домой? Одни глаза?.. За тем ли набегала в сам в Оренбург?»

Гадюка проводница с шипом уползла в свою клетуху.

Осталась я в тамбуре одна.

Стою.

А чего стою, и себе не скажу...

Не знаю, какая лихая сила духом бросила меня к двери. Рванула враспашку! А прыгнуть – нету меня. Прикипели рученьки к поручням смола смолой. Не разожму и один пальчик, хоть что ты тут делай...

Закрыла я руками зажмуренные глаза (не так боязко) и сиганула.

Когда я очнулась на галечнике, поезда уже и прах остыл.

Вечерело.

Солнце спустилось уже до полтополя. Садилось в стену¹⁷⁷. Похоже, в гору поездина бежал не шибко, когда я дала кувырок. А потому ничего такого страшного со мной не стряслось. Толечко вот коленки чисто в кровь разметелила.

Попробовала – ноги гнутся. Стало быть, мои! Живые!

Встала...

На пробу даже постучала пятками в землю.

Ничегошеньки. Твёрденько так держусь. Не валюсь...

И тихошко – покудушко одну ногу подыму, другую волк отъест – бочком, бочком пошкандыбалась себе назад к мешку.

Мешок, казнь ты моя египетская, целёхонький. Хоть бы что ему. Дажь не развязался. Радости-то что!

И болячки куда все расподелись.

Потаранила я резвой ногой к домку.

Да куда быстрей утекал свет дня.

Темно уже. В глаз ткни пальцем, не увидишь. Брела я чуть ли тебе не ощупом¹⁷⁸.

Где-то вдаль свертелся лужок.

Уже другая ребятёжь-холостёжь горлопанит под гармошку другие припевки.

---

¹⁷⁵ З а м у м у к а т ь – надоесть.

¹⁷⁶ О б р о т н а я з м е я – змея, которая сворачивается кольцом и бросается на людей.

¹⁷⁷ С о л н ц е с а д и т с я в с т е н у – за сплошные облака на горизонте.

¹⁷⁸ О щ у п о м – ощупью.

– Эх, мальчишки вы, мальчишки!
Что это за нация?
По двадцать девушек любить —
Это спекуляция!

– Меня матушка родила
На соломе, на мосту.
Меня куры поклевали —
Я кудрявая расту.

– Я не тяткина,
Я не мамкина,
Я на улице росла.
Меня курица снесла.

– Уж ты, маменька родима,
Что ж ты раньше думала?
Отдавала в чужи люди,
Точно в омут сунула.

– На катушку нитки выются
Тонкие, кручёные.
Посылай, милашка, письма,
Разберут учёные.

– Ох, топну ногой,
Из-под пятки огонь!
Мать, корову продавай!
Меня замуж отдавай!

– Хулиганом я родился
И хожу, как живорез.
Когда мать меня рожала,
Я уже с наганом лез.

– Затвори, жена, ворота
Да спусти с цепи собак.
Кто-то бродит по Европе,
То ли призрак, то ль маньяк.

– Самолёт летит,
Крылья модные.
А в нём колхозники сидят
Все голодные.

– К коммунизму мы идём,
Птицефермы строятся.
А колхозник видит яйца,
Когда в бане моется.

– Я бычка сдала колхозу
И бурёночку свою.
И теперь на каждой зорьке
Нашу курицу дою.

– Ох, какая я счастливая:
Иду голосовать!
В бюллетне одна фамилия —
Не велено черкать.

– Спасибо Ленину,
Ещё Ворошилову!
Раскулачили меня
За шубёнку вшивую!

– Слева молот, справа серп —
Это наш советский герб.
Хочешь жни, а хочешь куй,
Всё равно получишь... Уй!

Темно, темно кругом...
Темно под ногой, темно в душе...
Пускай на моих памятях, в молодости не пели такого.
Но то было вроде и другое время.
Но такое же тёмное, как и сейчас. И у кого шевельнётся хоть одна жилочка в чём-то
попрекнуть теперь этих ночных страдаликов?

Давно вздули в Жёлтом огни.
А мои сидят горюшата в потёмках одни.
Сидят и хнычут.
Подступилась я к домку к своему.
Остановила шаг и дыхание.
Притолкнулась мешком на плечах к стенке.
Скрозь стенку помилуй как всё слышко...
Вхожу – виском нависнули на меня. Как гроздь.
Жалуются:

– Роднулечка... Ну как же ты до-олго. Нажда-ались мы тебя! Одним... так боязно...
Совсема умёрзли.

– А малыньки! А что ж вы к тётъ Луше не пошли?

– Да-а... Тётъ Луша ещё в день сама проявилась. Забрала к себе. Дала с варкú¹⁷⁹ мун-
дирной картошки с капустонькой, бабьей лени¹⁸⁰. Вечером тётъ Луша утянулась убираться с
козками... Мы и уёрзнули...

– Куда-а-а?... Беспроша?...¹⁸¹

---

¹⁷⁹ С в а р к у – горячая, только что приготовленная пища.

¹⁸⁰ Б а б ь я л е н ь – затируха быстрого приготовления.

¹⁸¹ Б е с п р о ш а – самовольно, без разрешения.

– Родненькая! А мы лётали тебя совстречать. Поезд с дымной пробёг косой. Напроход¹⁸²
пробёг!.. А тебя нету... нету... Навовсех нетуньки... горькая ты нашенская потеряшка...
Они плачут, а я вдвое плачу...

---

¹⁸² Н а п р о х о д – не останавливаясь, безостановочно.

22

По работе и цена.

Что его и говорить, бед мне круто сыпануло. Крепонько прожгли бороной по судьбине по моей. Божечко мой... Сколько на свете жила, сколько пережила! А ничего... Не пала, выстояла Блинчиха...

Вязала я хорошо да и к грамоте была погорячей других жёлтинских баб. Меня и ткни после войны в руководительницы нашей пухартели. Выдвинули, называется. А чтоба их пусто взяло!

Ну и курортная, скажу я, должностёнка!

Это надо, то надо. Это отвези, то привези...

Да Бож-ж-же ж ты мой! Знай исполняй дисциплину. Крутись ну волчок волчком!

Ну на коюшки мне этот чертопляс?

Можно, конечно, как кой-которые лотохи¹⁸³. Для виду поквакала и в тину. Брось поводья, куда само привезёт, на то ты и довольная.

А я так не могу. Я только по-доброму. Навыкладку. Навыхлест. Инако меня совесть сло-пает без сольки.

Я какой воле молюсь?

Не хошь – уходи. Вон Бог. Вон порог.

А осталась – паши, савраска, до отпаду. А ежели ты ещё и начальнишко, пускай и мелкий, всего-то невидная бугринка на равнинке, так болей до издоху для ради всех. Прохлаждения не жди.

Ну, лётаешь как заводная. И туда бегом, и сюда бегом.

С утра до ночи язык, как полено, на мыльном плече. Некогда за зубы занести передох-нуть.

Толчёшься, толчёшься... А дела-то не ви-да-ти!

А я как привыкла?

Сработай платок – так он вот он! Его погладить можно!

А тут никакой душевной радости. Беготня одна. Сесть за спицы не сядешь.

Не-е, не по мне такое рай-житьё. Не моя то работёшка мельтешить с портфельчиком. Пускай он и не просторней детской ладонушки.

Года два помыкалась я в головках да ель скопнула себя с курортной должностёхи. Ель выкрутилась в рядовые назад.

В вязалки.

Уж лучше, думаю, день в день вязать. Хоть платки у меня, гляди, и не такие вовсе, как тот первый наш платок оренбургский, что попал к самой к Екатерине.

Я ещё в девушках шиковала, так самоглазно читала в книжечке в такой тоненькой.

Связала одна казачка – вот из какого она местечка, не упомяну, лета мои уклонные, скле-роз большой, – связала казачка этот первый платок, ей и присоветовали послать Екатерине Второй. (Внук мой школьник зовёт её Екатериной Цвайкиной.)

Ну, ладнушко. Услала.

Платок Екатерине невозможно как лёг к душе.

---

¹⁸³ Л о т о х а – человек, который находится в постоянном движении, куда-то всё спешит, но безо всякой цели.

Велела немка ту казачку хорошо рублём наградить, так чтоб на всю жизнь хватило безбедную. А вместе с тем наказала и ослепить. Никто не носи такоецкий платок, как у самой у государыни!

Какая царская неблагодарность...

А всё ж, блин ты блинский, сплюскала-таки государыня. Промаяхнулась. И на государыню прорука живёт!

Цветком цвела у казачки дочка. Вязала так же знатно. Вот и пошли, и пошли, и пошли из того семейства по всему по оренбургскому краю платки.

– Анна Фёдоровна, скорее, всё это похоже на легенду, – с усмешенькой возразил на мои слова один заезжий газетник.

Он всё доведывался, что да как. А после и распубликуй меня на всю полосищу. Покрой тумбочку той писаниной, так по бокам ещё будет зря висеть. Такая большая да, чего грех наводить, складная выскочила статьюшка.

И поклон прислал.

Это потом...

А тогда ух как налетела я на бумагоеда за легенду.

– Что, – шумлю, – платок – легенда? Пуховница – легенда? Вот я сажу перед вами. Какая ж я легенда? Как вязали здесь встарь, так вяжут и посеичас. Вон на моей памяти, ещё крошутка была, в нашей округе казачки преподносили именитым гостям свои разогромные пуховые шали (пятьсот петель) эстоль тонкой работы, что входили в золотой орех или в скорлупу обычного куриного яйца. Пролудали те шали в обручальные кольца.

23

Старина что диво.

Уехал мой газетяр. А я и задумайся.

А чего, думаю, это они, воробьи залётные, слушать тебя слушают, всё ах да ах, а там иной когда и бровь подломит? Мол, сказки-де, бабуша, рассказываете!

Оно, конечно, всякое бабье слово на веру не бери и в строку не пихай. Да и опять же сомненьем не мажь.

А чтоб самой наверняка, до всёточности знать, взялась я, грешным делом, собирать писания, где хоть словечушко кто уронил про платок про наш. Напечатанное – документ верный. Всякому сомненью даст ясность.

Читать я читаю довольно.

И уж если где завижу что, так уж и газетку, и журнальчик припрячу, и из старой библиотечной книжки нужные слова на бумажку на свою сведу. Как оно говорят?.. Кто не помнит вчерашнего, тот останется без будущего. Да и... Занятно ж таки знать, что про нас, про пуховниц, пишут теперь. Что строгали в старопрежние времена.

Тут мне плотно подмогла Цветочка Желанова.

Цветочка моя вовсе и не Цветочка. А Светлана. Светочка. Это уж я на свой лад перекрутила её в Цветочку. Больно хороша. Цветочек да и только!

Дозволила она звать её Цветочкой. Я и звала.

Цветочка была музейная посланница из самой из Москвы.

Колола я во дворе пни.

Смотрю, у калитки жмётся незнакомая молодейка.

– Входи! – в смехе столкнула пальцем пот со лба. – Входи. Не бойся собаки, хозяин на привязи.

Улыбнулась она моим словам. Вошла во двор.

Назвалась и сразу к делу:

– Наш музей собирает работы народных мастеровых. Послали вот заказать у Вас платок. «Меня – в музей?.. Зачем? Что я, динозавриха какая?»

Наверно, я помрачнела.

Я сродясь мрачнею, когда чего не ухватываю разумом.

– Да нет! – весело ласкается Цветочка. – Видимо, Вы не так поняли. Мы не за спасибо. И даже не за большое. Мы как положено. Заключим договор. Заплатим.

Деньгура мне б сильно не навредила по тогдашней поре.

Да отступилась я от неё.

– Нет, милая душа, – говорю. – Это ты меня не поняла. Не в одних рубляшиках свет. За шелестуху я не кинусь вам вязать. Да и за так тоже не разбегусь. Одначе... А всё ж под жаркий интерес... Что это за музей такой?.. Хэх, платки разыскивает... И что в том музее знают васеишное¹⁸⁴ про платок? Поди, и ты штой-то да знашь, раз выёшься при науке?

– Что-то, конечно, знаю.

Цветочка потянула из подорожной сумочки брюхатую тетрадищу.

– Не-е... Ты сперва проходи в палаты-то в мои царёхины да грановитые. Под соломенкой. А потом уж и к тетрадочкам...

Цветочка на ходу помахала тетрадиной:

---

¹⁸⁴ В а с е и ш н ы й – вчерашний.

– Полную неделю горбатилась в оренбургских архивах. У меня этих выписок с возок уже. И всё коплю, коплю. Ну надо. Намечтала защитить кандидатскую про платок!

Пристыла она у горушки моих неколотых пеньков.

Откинула закладку.

– «*В разсуждении города Оренбурга... – гордовато читает, – со всякою несомненною надеждою возможно сказать, что он со временем знатнейшим городам не уступит и подаст причину о начале его многим любопытствовать*». Это Рычков...

Петра Ивановича Рычкова, позже рассказывала за чаем Цветочка (сама я вязала), почитают у нас как крёстного отца оренбургского платка.

В книжках Рычкову дадены громкие, высокоушие вон какие титулы: «Колумб Оренбургского края», «оренбургский Ломоносов». И всё это за изучение, за описание наших мест.

Единственный сын бедного вологодского купца вовсе не учился в школе. Самоуком достиг арифметику, бухгалтерию. Молоденьким совсем приехал в 1734 году к нам бухгалтером при экспедиции, которой предстояло построить город Оренбург.

В одну ниточку свивал учёный службу с занятием географией, историей, экономикой.

Его трудами невозможно как дорожил сам Ломоносов.

Ломоносов горел ввести в императорской Академии наук «класс академических корреспондентов» и сумел «*начать сие учреждение принятием в такие корреспонденты с данием дипломы господина коллежского советника Петра Рычкова*».

Первый член-корреспондент Академии наук...

Один сподвижник писал ему из столицы:

«Вы ещё первые в России, которому от нея сия честь отдаётся».

Богато, на всю матушку Россию Рычков первый показал особую ценность козьего пуха и возможность ладить из него самое разное добро.

«У нас в России, – сокрушался Рычков, – шерсть козлиная почти вся за негодную почитается... Охота и любопытство к таким вещам и делам, которые к пользе государственной обращены быть могут, побуждали меня глазами моими освидетельствовать оную шерсть, не найдётся ли из нея хотя что-нибудь годное в пряжу и употребление... Козы под волосьями или под наружною шерстью имеют у себя другую мягкую, кою называют пухом или подсадом, по чему в самое нынешнее время, в декабре 1765 года, велел я, взяв одну козу, чесать её при себе гребнем, каким чешут волосы. Сим способом достали из нея пух так тонкой и мягкой, что схож почти с хлопчатой бумагой. К пряже оказался он способнее нежели овечья шерсть... Польза из того будет... и мастерам, кои ту шерсть употреблять станут в дело... Говоря о годности козьей шерсти с моими приятелями, видел их невероятность. Признавали они то за шутку, но когда в самом деле увидели опыт, то, почитая сие за новое и полезное, с имеющихся у них коз ныне же хотели тот подсад вычесать, и сколько достанут, употреблять его в дело».

Ей же, право, вязанье из козьего пуха было где-нигде в цене, пожалуй, и до Рычкова. Полную новизну своего предложения он и сам сомненьем кропил.

Тут козырь другой. Поядрёней.

Просторным умом своим учёный первый докружил до понятия, что за волшебный, божий клад это вспомогательное ремесло. А потому Пётр Иванович, а ещё больше его жена Алёна Денисьевна аредовы веки своего деревенского житья пустили на «*приучение местного населения к этому промыслу*».

В 1770 году «Труды Всероссийского Вольного Экономического общества» распустили такое вот объявление:

«Вольное Экономическое общество, за долг себе вменяя иметь попечение о приведении сельского домостроительства в наилучший порядок и приращение, предприняло полезное намерение поощрять и прочих рачительных сельских жителей к таковым же похвальным трудам, награждая их по достоинству золотыми и серебряными медалями. В следствие чего и дана супруге господина статского советника и Вольного Экономического общества члена Петра Ив. Рычкова золотая с вырезанием ее имени медаль за то, что она оказала тщательные в сельском домостроительстве пользу приносящие достохвальные свои труды и Вольному Экономическому обществу прислала сперва пряжу из козьего подсада, а потом ею же самую вязаной платок».

Рычковы привязали казачкам интерес к важнецкому занятию.

Работа платков, шалей, шарфов обернулась первостатейным делом уральских казачек. Себе на удивленье они доискались в вязанье прикорма семействам своим, а заодно и раздолья себе выказать недюжинный дар свой.

Платок наш не первейшиной ли промеж радостных творений русских умельцев вшагнул в чужеземье.

В 1862 году урядникова хозяйка Мария Ускова с хуторка близ станицы Оренбургской услала через генерал-губернатора на всемирную выставку в Лондон шесть своих платков.

Лондон откликнулся медалью «За шали из козьего пуха», дипломом и 125 рублями серебром.

А двадцать вёсен отпустя казачка Ускова возьми да покажи на Всероссийской выставке прегромадную пёструю шаль. По углам посадила, вывязала короны, а по кайме торжественно пустила первые слова из народного гимна. Шаль оценили в сто рубчонков серебром. По тогдашним временам капиталище этот незнамо как большой. Недоступный. А потому не приискался охотник взять шаль.

На той же выставке дошумела до серебряной медали белая пуховая шаль Владимировой *«в двадцать золотников¹⁸⁵ весу. Тонина нити и ровность вязки, а равно и изящество рисунка этого шедевра женского рукоделия обратили на себя особенное внимание экспертной комиссии. Цена шали... – Цветочка перестала читать, потукала пальцем в тетрадь. Мол, Вы только послушайте! Послушайте, что дальше! И она торжественно, будто с трибуны, пошла начитывать: – Цена шали не была обозначена, и экспертам предоставлено было экспоненткою оценить её по сравнению с другими работами того же рода»!* Видали, бабушка!

Слава придавила платок бедой.

В оренбургские веси хлынули и заволокли, что твоя саранча, перекупщики. За ничто, дарма почитай скупали барышники пуховое добро. А в громких столицах да в прочих почтенных городах всё это, взятое задешевле грибов, спускали по крутой цене.

А что до самих вязалок, так они в миллионстве не тонули. Напротив совсем. При малой плате, когда, случалось, не покрывался не то что труд – материал даже не окупался, ветер гуливал в карманах, и бездолье ко многим приставало, как слепой к тесту. Понятно, при такой неуправке сама вязка и её качество скакнулись к убыли.

И вот тут-то в горькую судьбину платка державно вошла Елена Михайловна Ершова, жена нового губернатора.

Ершова дерзостно отгадила залётных спекулей.

По доброй цене она скупала платки и через доверял сбывала в Петербурге, в Москве.

Ожили казачки. Заработали с дорогой душой.

---

¹⁸⁵ З о л о т н и к – русская мера веса, равная 4,26 г.

Поглядели, поглядели на них завистливым глазом да и сели за спицы даже те, кто до этого вовсе и не вязал.

Впятеро больше против прежнего стали работать платки.

Оно и пояснить за милую душу просто.

Казачки начали, вправде сказать, выручать по две платы. Отдают дома – уже с барышом. А после ершовской продажи на стороне всплошь да рядышком плюсуют ещё такой же прибыток, о котором суеверно предпочитали не сарафаниться¹⁸⁶. Большие деньги любят тишину.

Отвязалась нужда.

Ершова твёрже налезла на качество.

Делала заказ и чуть тебе не силком понуждала в чистые пуховые нити вливать шёлковые. Новизна накинула блеску. Платок сразу заиграл. Стал ещё нарядней, богаче, роскошней. Одно слово, отдай всё – мало!

По ершовскому рецепту вяжут и посеёчас.

А между тем Ершова продавала платки не только в России, но и в чужих землях. Снарядила и заслала партию даже в сам Чикаго, на «Всемирную Колумбову выставку в память 400-летней годовщины высадки Колумба».

Какое же последствие?

Помимо мгновенной распродажи Чикаго отжаловал шесть медалей с дипломами.

В одном вот такие слова:

Американские Соединённые Штаты по постановлению Конгресса уполномочили Всемирный Колумбов комитет при международной выставке, устроенной в Чикаго в 1893 году, выдать медаль госпоже Рыковой (Оренбург, Россия) за присланные на выставку платки. Выставленный материал состоит из козьего пуха, искусно подобранного и расчёсанного рукой, отличается необыкновенной лёгкостью и шелковистостью. Изделия замечательны по своим оригинальным и богатым узорам, что свидетельствует о большой опытности в ручном вязании.

Вон оно как заокеанская Америка про нас-то!

---

¹⁸⁶ С а р а ф а н и т ь с я – болтать.

24

И на коз честь пала.

Добрые платки эти работают из пуха козы, что припожаловала к нам то ли с Тибета, то ли с Памира.

Народ высортировал самолучшую породу. Отменней и не надо как подладилась она к нашей жизнёнке.

Летом в оренбургских степях и предгорках лютует сорокаградусная жара. Зимой сорокаградусные морозы. В лихорадку¹⁸⁷ ураганы срывают с ног лошадей.

И от зноя, и от стужи спасает коз подшёрсток. Мягкий, нежный пух. Он тонок, лёгок. Его способно прасть.

За такие плюсы заграница живо-два проторочила дорожку к нашему к пуху и напала на него, как гуси на мякину.

Парижане накатились ладить шали.

Англичане затеяли мастачить пуховые платки на наш манер. Отчего так и прозвали их сами «имитация под Оренбург».

Всё бы оно и ничего. Да не по карману оказалась приятность таскать пух по кругосветью из края в край.

И отважилась тогда заграница завезти на расплод самих наших коз.

В 1818 году французы отрядили в нашу сторону посланника своего Жубера. Пролаза этот так и эдак излетал нашу землю. Где коза во дворе, туда и чужедальний лстыивый козёл с бородой:

– Кéзинька-кезинька-кезинька¹⁸⁸, голубушка!..

Гонялся, гонялся, а надёргал-таки тыщу триста горьких козушек и, ох, смерть моя, роди-мец тебя уходи, пешим порядком погнал балахвост¹⁸⁹ экую тучу к морю.

Вряд ли какая платошница хоть и раз была на море.

Так зато козушке-то нашей чести что! В Крыму уже чин чином спроводили на корабль.

А с корабля коза выше коровы в поле!

Проводили, уняли мостки да и покатили несчастных.

Сегодня Стамбул. Назавтра тебе вид ещё почудней.

А там и сам Марсель...

Всё про всё лишь третинка снесла долгое странствие в духотище трюмов, набитых битком.

За козами уход держали – не всякая мать смотрит так за своей родной кровинкой. Всё одно проку пшик. Климат не тот. В самой скорой скорости шерсть козы решила тех плюсов, возрази чего её и везли. Коза полысела. Если у нас за год с козы начёсывали до 450 граммов чистого, отборного пуха, то на новом месте всего-то сто грамулек.

Не ужилась, не приняла, не прилюбила наша козушка и Англию, и Южную Америку.

Разборчивая. Умничка. Всё на стороне не по ней.

Да что его кивать на заграницу?

Уже в наши дни, недавно вот совсем, переправили партию коз на Кавказ.

Чего уж лучше? Юг! Живи не хочу!

И не захотела!

---

¹⁸⁷ Лихорадка – сильная снежная буря.

¹⁸⁸ Кéзинька – кезинька – кезинька – подзывные слова для коз.

¹⁸⁹ Балахвост – шатун, шлёнда.

Юг она любит.
Да только нашенский.
Уральский. Щедрый на свирепые морозы и зной.
Козушка наша чувствует себя как дома только дома.

Вот про что я услышала от Цветочки.
Отворила мне Цветочка глаза.
Заворожила меня история.
Заворожила и сама Цветочка.
Заворожила и посверх меры подивила.
Бабака я на слово скорая. Не по мне топтаться вокруг да около. Напрямки и полосни:
– Как-тошь ты не по-столичански речи лепишь. Не обижайся. И словом и манерами не городская ты будешь. Выговорка у тебя вроде как наша... Иль, можь, подыгрываешь мне?
Смеётся:
– Ворона соловью не подпоёт.
– Какая ж ты ворона? – согневилась я. – Не сплетай чего лишнего... А всё ж в интерес вбежать... Ты всё вот подпускаешь: наша козушка, юг наш уральский... Ты так говоришь, вровняшку ты нашенская откуда из Надеждинки иль из Черкасс.
– Тётъ Нюр! – пала Цветочка мне к груди. – Да как же мне ещё прикажете говорить, если мои родители-удивители в Полтавке! Это в нашем же, в Саракташском, районе. Выше туда по Большому Ику... В Полтавке я народилась, выросла. В МГУ прорвалась с боями неместного значения. Всего на месяцок расслабилась после вступительных баталий, потеряла бдительность, и я уже в плену. Замужем за столичанином.
– Оя! – горделиво вознесла я палец. – Вона какие мы оренбургские! На сами на Воробьёвы горушки взлезла. Радости слаще тебя благоверик во всей Московушке не сыскал! Ай да оренбургские! Ай да оренбургские! Вот так мы!! Вот так мы!!!

25

Русский что увидит, то и сделает.

Как-то я с Мишей – это внучок, назвали так в честь дедушки, Михаила моего, – посунулась это я с Мишей на станцию встречать Веру.

Пришлѣпали.

Поджидаем рабочий поезд.

А вокруг хорошо-то как!

На небе ни хмуринки. Погодушка вкрай раскружилась.

Солнечный март играючи ломал зиме рога. Доил крыши. Озоровато гнал с весѣлых нагорков сердитые ручьи.

Увидал мой Миша утку в канаве с талой водой, насмерть переполошился.

Заходился это выдернуть утку из лужи.

Взахлѣб сорочит:

– Бабаль! Она ж застудится! У неё ангинка будет!

Посмеиваюсь я на те страхи и в печали смотрю на станцию...

Строил сам Миша...

Крепостно, на крестьянскую руку сладил. Постарела-то что... А жива...

Перехватило у меня дыхание. Дай ещё минуту, ударились бы в слѣзы. (Повсегда оно вот так, как только здесь окажусь.)

Да тут вывернулся из-за дома поезд. Высыпал, как горох из мешка, народко и убежал.

Стою перебираю глазами приезжан.

– Баушка, а баушка! – шумит калякуша. – Та вон тѣтенька не наша. Чужатка.

– Знамо... Слава богу, что за бабкой не забыл свою мать в лицо.

– Бабаля! Да ты не споняла меня! – всплеснул мой упрямик ручонками. – Да она ну совсема из чужого места!

– А что, грамотейка, у неё на лбу прочитал?

– Прочитал... Раз нету такого платка, как на мне. Как на тебе.

На мне серела толстая, жирная пуховка.

В такую же по самые глаза запрятала я и Мишу.

Раньше я как-то не присматривалась, кто там что таскает на голове. А тут таким открытием было для меня, что правдоречивый пузырик своих, оренбургских, отличал по пуховым платкам!

А верно-таки подметил.

Добрую долю года женщины у нас в платках да не в абы каких.

Первый, на́больший козырь платка – рисунок вязки. Узор. Пока никто не сыскал два платка с одинаковым узором. Да и не сыщѣт. Потому как всякий, какой хочѣшь узор – желанное дитя женской фантазии. А какой матери всхочѣтся, чтобушки все детки были на одну личность?

И потом. Чего ж его выкамаривать, мастачить одно и то же? Это ж и глазу нудно, и душе тошно. А с другого боку забеги, так вовсе пустое всё то. Богом-то мы не обижены. У каждой и во сне не тают перед глазами, просят на спицы новые узоры один другого казистей. Дюжину жизней изживи, а не выгонишь, не сработаешь всё.

Напротив. С летами свежих узоров бѣлеет. На что навкруге ни положи глаз, видишь узор.

Окна в зиму стынут?

И всякий раз мороз нежданную картинку за милую душу подаёт на стекле. Поспевай только спицами снимать готовенькое. Случись же недосуг сейчас, так само ляжет на память и в вольную минуту достанешь из той кладовки припрятанное.

Или дождь в ветер.

Вот тебе и узор «косой дождик», «косорядка».

Ой! Да ну каких только узоров нету!

Тут тебе и «паутинка», и «узорчатая ягода», и «соты», и «глухотинка», и «корольки», и «мышинные тропки», и «снежинка», и «горох», и «пшёнка», и «ягодки», и «ягодка-перевяз», и «рыбы глазки», и «кошачьи лапки», и «деревчики», и «зубочки», и «выворотный узор», и «шашечки», и «тройная ягода», и «мышинная тропка», и «кошачий глаз», и «крупная малинка», и «цепочки», и «окошечки», и «змейка», и «змейка с отростками», и «гребешки», и «гармошечка», и «мышинный след», и «косые глухотинки», и «сердечко», и «ягодки с самоварчиками»...¹⁹⁰

Последненький – моёшенький.

В музей вязала...

А как оно у меня иной раз зарождается узор?

Не знаю, как его быстрыми словами и сложить...

Ну да ладно. Как есть...

Ну, вот представьте, как писатель мудрёно подбирается к своей книжке. Так и платошница часом подступает к узору.

Боже упаси, и узкой мысли не держала уравнивать книжку с платком. Вовсе нет. А всё ж что-то такое сродственное, неминуемое да и водится, ежели говорить про самое про начало.

Из ничего не сладишь чего. Даже женщину, по вере, не из ничего, а из ребра выстругали... (Бабака я грамотная. Читаю что тебе за академика. Намедни вон всего Гюго одолела. Так что не грех и своё мнение держать.)

Писатель как? Ходит. Ездит. Встречается с людьми. Слушает...

Не то что исключительная судьба – одно словонько может направить на тему. Сколь я читала про такое...

В когдашкину пору бегала вот эта расхожая побаска.

Бедный мелкий чиновник всю жизнь баюкал мечту купить охотничье ружьё. Множкие лета из последнего откладывал. Копеечку к копейке сбивал. Взял-таки сердяга. Но на самопервой же вот охоте и посеял.

Услыхал анекдот этот Николай Васильевич. Не рассмеялся. А ответил «Шинелью».

Писателю только маненько сюжетец подай...

Чуток похожее и у меня.

Глядишь, оно и похоже, как вилка на бутылку.

Однако ж...

Читала я про Даурию.

Живёт такая земля в восточном месте.

И так мне понравилась эта книжка-праздник. Так мне понравилась там природа...

Сплю, а сосны вижу. Амур-батюшку вижу.

У нас же тут в лесу сосны нету.

---

¹⁹⁰ Как мне стало известно потом, сложила Анна Фёдоровна и свой именной узор. «Блинов». Но из скромности промолчала о нём. (Примечание автора.)

Не дочитала я ещё книжку, отложила початый платок. Взялась за новый и узор новый. По закраинам у меня, в кайме, скрозь сосенки. Ближе к серёдке тоже сосенки. А в самом в центре пустила я толстой кривулиной решётку зигзагом. Амур это.

Вязала я своего «Амура» день-ночь.

Наехала на меня, что ли, такая радостная блажь – пою себе да знай вяжу-рисую. Оно бы надо уже и поесть, а и на минуту не приневолишь себя выпустить из рук иголки. Хоть ты что! Работа для души, как болезнь. Манит...

В скорых днях гостила я в Подмоскowie.

У Михайлова дяди.

Дело сплелось летом.

Пошли мы раз с дядей и с его женой в лес.

Привёл он нас в одно местечко и ну нахваливать. Тут я и грибы люблю собирать, и ягоды искать, и цветы рвать...

Местечко мне и самой-то поглянулось. Хорошее.

Ну, хорошее да и ладно.

Мало ль хороших мест у нас в Россиюшке?

Только сразу я ничего такого даже не подумала.

Отлилось время.

Горячее старенькое лето-летечко сманило-увело за собою и юную ветрогонку осень.

Уже зимой, в крутелицу, сию я в Жёлтом под окном.

А вижу не свою улочку в богатом снегу, а тот летний подмосковный вижу лес. Дядин голос слышу счастливый...

Услала я им платок. Приписала дяде: *«Смотрите, тут Ваши любимые деревья. Промеж ними грибы, цветы, ягоды...»*

Да-а...

Нешь упомнишь, сколько было тех узоров...

И «бантики» вязывала, и «корольки», и «лесики», и «люстру»...

За свою жизнь навязала я платков до Луны. Посверх трёх тыщ.

С кульманский вагон, поди, смеляком¹⁹¹ будет.

---

¹⁹¹ С м е л я к о м – наверняка.

26

Алмаз алмазом режется.

А вот спроси, какой из платков спротни других дороже, я сразу и не скажу. Матери все свои ребятёшки распрекрасны.

Путешествовали платки мои по выставкам в Брюсселе да в Дели там, в Монереале да в Вене... А про Москву с Оренбургом уже и молчок.

Понавезли платки мои с тех выставок всяких там наград, чать, с полкороба.

Последненькая, остатняя была наградушка даве вот.

Золотая медалька с дипломом.

Диплом красиво так золотом писан:

«Награждается народный мастер Блинова Анна Фёдоровна за творческие достижения в создании произведений, представленных на Пятой республиканской художественной выставке «Россия». Москва, 1975 год».

Эвона как!

Выходит, х у д о ж е с т в о платок мой...

Ну чего его там пуговицы крутить? Ну чего задарма слова терять? Одна приятность, когда работа твоя в радостинку людям.

Но как мне не выделить один платок свой?

По выставкам он, ей-пра, не курсировал. Так зато вызволил меня, возвернул из больницы.

Он мне самодорогой и есть...

Годы мои...

На годы на свои молодявые я в тяжёлой, в крутой обиде.

Не заметила и как, чудится, не тайком ли удрали от меня. Спокинули одну одной на самовластие старости...

Да-а...

Не молодайкины лета мои уже.

Беда на каждого виснет.

Сплоховала, совсем сплоховала бабка.

В сам Оренбург с воспалением почек свезли.

Вера моя, дочка (своим семейством Вера жила в Оренбурге), дневала и ночевала у меня в казённой больнице.

Утро так на третье, смотрю, проблеснули на стенке часы с кукушкой.

Идут себе. Попискивают.

Перехватила Вера мой удивлённый взгляд:

– Лёня устарелся. Скатал в Жёлтое...

– Не муж у тебя Лёнюшка – золото...

– Любимые твои. – Вера скосила глаза на часы. – Они будут куковать. А ты будешь слушать и тебе будет приятно.

– Аха, будет, – соглашаюсь я. А про себя несу на ум: «Плохи твои, милаха, дела, раз врачи дозволили дочке домашние часы твои в палате привесить. Задохлице¹⁹² в последнем отказу не дают».

Через большую силу Вера шлёт мне убитую улыбку.

А сама слёзы с красных глаз платочком промокает.

– А они, мам, идут...

– А что им... Вышел завод... Заведи... Пойдут... А вот мой, доченька, видать, весь завод... Кончился... Как доктора ни бейся, не завести, видать, меня больше как часы...

– Ну-ну-ну! Я сама фельдшерка. Кой да что смыслю... Врачи всё способные. Не переживай. Найдут на твои болячки управу!

Врачи и так. Врачи и эдако.

Да не подымается бабка. Хоть что ты тут.

Подняться не подымусь. А у самой – хошь ты этого! – слышу, рукам вроде чего-то да и не хватает. А у самой, слышу, пальцы по работе ссохлись. Поработать платок хочется. Я ж в эту работу втянута, как наркомат¹⁹³. Нету пальчикам моим места. Даже страх взял – сами слабонько ворочаются. Выделявают всё движения то в виде как сучишь, то в виде как вяжешь иль разглаживаешь связанное что...

А у самой слёзы с горох.

В слезах в кровать. В слезах с кровати...

Целую вечность провалялась я.

А как была плохая, да так в хилушках и примёрзла.

Разбежалась проситься домой.

– Доктор... Моченька вся моя выкипела... Не могу я большь...

А мне отказ:

– Нельзя вам пока домой. Полный не прошли курс лечения.

– Доктор... Это хорошо, что вы строго исполняете порядок. Только... Ну на что всеполный ваш курс упокойнику? Ну на что спасти волосы? Головы давно уж нету...

Блеснул мой погорячливой профессор очками.

Получила я тут в отхлёстку два неполных, а третий на орехи.

– Извините, – сорочит. – Но только человек без головы мог такое сказать.

– Выходит, я права?

– Больной всегда прав. Но предоставим слово и времени!

Обиделся, как есть наполоно обиделся мой доктор.

Стыд потянул меня за язык каяться.

– Доктор, дурность моя вмешала меня в эти слова. Если что не то свалилось с языка, так вы простите старой глупушке дурность мою такую...

– Прощаю, конечно. Прощаю. Да что там...

– Ох, доктор... Каба¹⁹⁴ вы только знали, как тяжело ничего не делать... Ох, знали б вы, ведали, как без работы скучно. Навовсе скучно. Ну так скучно...

Завеселели глаза у моего у доктора.

Вопрос мне на разведку подсылает:

– А что бы вы делали?

– А я умею платки вязать. Я бы платки, доктор, вязала.

– Вяжите, раз можете.

---

¹⁹² Задохлица – безнадежно больная.

¹⁹³ Наркомат (здесь) – наркоман.

¹⁹⁴ Каба – если б.

Не на камень пали слова мои.

На другой день Вера приспела ко мне перед обедом.

Я и спровадь её в гардероб за моим привьянтом.

А не в лишек тут пояснить.

Где что ни скрутись там вроде аварии иль ещё беды какой, пуховницу враз признаешь. Куда б мастеровая платка ни шла, куда б ни ехала, в сумке всегда работа: спицы, кайма, нитки...

Это за обычай.

Как снаряжали меня в больницу, я не помню. В таком вот разломе была. Навовсе отжилая была. На отходе.

Ну куда!

Почки же запалились. Сильные отёки. Ширше бегемотихи распёрло. Вида, после сказывали, никакого я на жизнь не давала.

А всё едино по обычности впихнули мне в сумку все вязальные причиндалы, что пребывали сейчас на гossoхранности в гардеробе.

Принесла Вера мою сумку.

Засверкала бабка. Ворухнулся в орлице живой дух!

То я, бывало, погляжу в тоске на нянечку-хохлуху, на её каталку с харчем. Сморщусь. Нет, мол, не надобно. Поняйте назад.

То и весь мой был обед в минувшие дни.

А тут тебе козырь-девка за присест живо уборонила до крайности полную миску борща, хороший так из оковалка кусман телятинки. (Вера принесла.) Чистёхонько всё подмела.

Наелась, как поп на Масленицу.

Ну теперь, блин ты сухой-немазанный, можно и с голодным бороться!

Ну теперь, думаю, спицы у меня из рук не попадают.

Обложила меня Вера подушками да и смаячь себе по делам.

Пропала моя Вера за дверью.

Забыла я про всё на свете.

На койке сажу себе именинницей. Знай настукиваю иголками свои «ягодки с самоварчиками».

При долинушке млада стояла,

Калину ломала.

Я калинушку ломала,

Во пучочки вязала,

Во пучочки вязала,

На дорожку я бросала,

Приметочки клала.

Я приметы примечала,

Дружка возвращала.

Воротись, моя надежда,

Воротись, сердце.

Не воротишься, моя надежда,

Хотя оглянись;

Не оглянешься, моя надежда,

Махни чёрной шляпой,

Чёрной шляпой пуховой,

Шляпой, шляпой пуховой,

Правою рукой.

Пела я не в голос.

Пела-звала я одну надежду. Чтобушки встать. Вернуться чтобушки к работе.

Без работы человек отживается...

За старыми спицами подворачивает ко мне на свиданье бывшее.

Вижу себя молодой...

В Крюковке себя вижу...

В Ташкенте...

Давно покончилась война.

Взросли мои горяшата. Повыучились.

Саша не развисляй какой. Ин-же-нер-ко... Первый у нас в роду инженер.

В Гае при меди служит сыновец.

Вера фельдшерка. Там напористая что! Как чего надумает – умрёт, а сделает. У меня из крови пересосала напористость.

Сама моя упряжка ребятышечками уже обсыпалась, будто квочка курчатками, и побегла в вечерний институт. Всё повыше куда дерётся Верочка.

Таково хорошо, таково радостно... Прямо лето на душе.

Увидь отец, помиловался бы...

Отец...

Бабы в Жёлтом всё такали:

– Девочка ты не безвидная. На твой век война оставила мужичья, этого сладкого сору...

Роса утрення падёт – уйдёт молода вдова замуж.

А не ушла...

Встречались стоящие люди.

Один даже вон из самого из Киева вязался. Там у него под бомбами семья полегла.

Ни на что не польстилась.

Мужа, пускай и награждённого могилой, любя не покидают...

Поехал далёко казак на чужбину

На добром коне вороном.

Свой Урал он навеки спокинул,

Ему не вернуться в родительский дом.

Напрасно казачка его молодая

И утро, и вечер на север глядит:

Всё ждёт, поджидает с далёкого края,

Когда к ней казак на коне прилетит.

А там, за горами, где вьюги, метели,

Где страшны морозы зимою трещат,

Где сдвинулись грозно и сосны, и ели,

Там кости казака лежат.

Казак и просил, и молил, умирая,

Насыпать курган в головах,

И пусть на кургане калина родная

Красуется в ярких цветах.

У Миши это первая была песня.

Как идти бить немца, списал на листочек.

Потом этот тёртый-перетёртый клочок, где и слов-то уж не распознать, переслал мне его соратный товарищ, сосед по госпитальной койке.

27

Всяк храмлет на свою ногу.

Клубочек удобно так лежит под рукой в больничной мятой миске, чтоб не бегал, не собирал пыль по полу. Нитка не косматится, её безнадобно подбирать. Ровная, она плавно течёт из-под левой руки.

Вроде всего с ничего посидела. А уголочек уже готов. Сидень сидит – счастье растёт!

Низ уголочка я схватываю пришибочкой, обыкновенной бельевой прищепкой.

Пришибочка оттягивает косичку уголочка. Делает его ровным. Не даёт ему скручиваться.

Так я занялась своим платком, что и не заметила, как в палату налилось народу больше, чем кислородности.

Палата на двоих. Одна койка всё время пустует. Значит, думаю, тогда ко мне.

Вмелк глянула ещё разок крайком глаза. Смотрят, как я вяжу. Все в арестантском. Так я про себя навеличиваю больничное обмундирование.

Чинно сидят на своих стулках кружью.

Чисто тебе перед телевизором.

«Эко кругопляс!»

Осерчала я вгоряче на такие охальные смотрины. Чуть было не напылила до чиха. Да подломила свою гордыню молчанкой.

Постно ужала губёнки и безучастно так вяжу.

Вроде никого и нету.

– Как в кино! – тихостно толкует отошальный курчавик с голым до блеску куполком на голове и не забывает, анафемец, припадать плечишком раз по разу к сытому верху руки молоденькой девоньки-мак. – В темпе вяжет... Ну так-в-так автомат автоматом! Только что не «калашников»... И совсем не глядит!

Я завидела мешочек с лотошными карточками и бочоночками на коленях у шептуна. Поддела:

– А это, любитель дорогой, не лото. Глядеть не в обязательности.

Легла тяжёлая тишина.

Неловко мне стало: я положила ту тишину.

– Ну что, – поплотней кладу мягкости в голос. – Вот так в молчак и будем играть? Давайте в лото! А? По мне, в лото лучше! Давайте, покуда сердце у бабки горячее. Но, – усмехаюсь, – уговор. За игру в моей палате с каждого халата по копейке!

Гостюшки, слава Богу, заулыбались:

– Это что, взятка?

– Почти. Летом наезжают ко мне в деревню внучата. Большие лотошники. Лото в арифметике даёт ребёнку ого какую помощь. Играют, а копейками закрывают. Ну не напасёшься...

– Поможем!

Руки забегали шарить по карманам.

В мою склянку из-под валидола на тумбочке с весёлым звоном тенькнуло несколько однушек.

Минутой потом с лёгким шумом все расквартировали карточки кто где. Кто на подоконнике. Кто на тумбочке. Кто у меня в ногах на кровати. А кто и прямо у себя на коленках.

– Ну что, погнались? – громко, во весь народ, спросил хозяин лото. Тряхнул перед собой мешочком и обежал всех глазами. – Все готовы? Стратегическая готовность номер один есть?!

– Всё. Поехал! – в одно шумнули несколько человек.

– Ути-ути! Двадцать два! – хрипливо, обстоятельно выкликнул кощей. – Топорики. Семьдесят семь!

Он снова степенно запустил руку в мешочек. Помешал. Достал свежак бочоночек.

Глянуть на него мелко глянул, а не назвал.

Бледнолицый поджара опало взглядывал то на бочонок, то на меня и молчал.

– Что, число прочитать не можете? – подъезжаю с малой подковыркой.

– Да эта хитрость не тяжеле мономаховой тюбетейки.

– Тогда чего же?

– Мой быть, мне подождать, пока Вы спрячете вязанье?

– Боюсь, вам придётся ждать до морковкина заговенья.

– А Вы что, и играть, и вязать будете одновременно?

– А по-другому я не умею. Это уже так... В Жёлтом у нас девчачки делают уроки иль коз пасут – всильную вяжут. Играют ли бабы в лото, читают ли книжки, смотрят ли телевизор, наявились ли к доктору, натеснились ли в кино, выпала ль вольная минута на току, сбежались ли на побрехушки, томятся ль тебе на собрании дажно – завсегда наскрозь все разнепременно вяжут. Прекрасно же знают: языком, что решетом, ладно уж, так и сей, да всходов, дела то есть, не жди, ежели руки не сделают. Так что не выжидайте. Поняйте.

Играю я себе. Разговоры общие разговариваю. Вяжу.

Нет-нет да и словлю на себе долгий чей простой, как дуга, взгляд.

А, думаю, чего это оне меня глазами шупают? Что особенного-то чёт во мне свил?

Бабка как бабка. Под заступ смирно поглядываю. Честь знаю. Зажилась...

И что ж вы думаете? Болезный народко дотошный. Страх какой дотошный. Что да чего, да и признай меня скорбные лотошники за жёлтинску.

По телевизору видали вот намердны!

А саме кто я – не знают.

Засылаю вопрос, как звать-величать ту старуху, что видали?

– Не помним точно, как ей фамилия будет. Но какая-то такая... Из съестных.

Стали перебирать.

– Пельмешкина...

– Картофелева тире Оладушкина...

– Хлебникова...

– Хлебушкина!

– Борщова...

– Клёцкина...

– Пирожкова...

– Булочкина...

– Блинчикова...

– Блинова, может? – веду на путь.

– Ну а кто его упомнит?

– Можь быть, и Блинова, – неуверенно так переглядываются.

Тогда, думаю, надобно дать доказательность покрепче.

Улыбнуться!

Когда сымали на телевизор про встречу платочниц с жёлтинскими школьницами, про то, как мы передаём им своё ремесло, так я, старая глупуня, неумно как сделала. Улыбнулась. А рот-то рваный, дырявый, беззубый.

Надо бы припрятать, а я разинула... Радуйся, Акулька, журавли летят!

О Господи, грехи тяжкие!

Да разве долго мёртвому засмеяться?

Смотрела потом на себя по телевизору – так стыд чуть со стулки не спихнул...

Гляжу я на своих на лотошников и думаю. Ну, то я по телевизору улыбалась шире Масленицы. Ну, то ладно. Дело минувшее. А дай-ка я и вам вблизи улыбнусь по-русски.

В моменталий узнали!

– Она! У той тоже не было передних зубов! Анна Фёдоровна Блинова!

– А позвольте, дорогая Анна Фёдоровна, с нашим чайничком к Вашему к самоварчику приткнуться, – ластится ко мне лотошный верховод.

– Я слушаю.

– Видите, не Вашего я стаду баран. Не оренбургский. Могу спросить глупость. Так что не взыщите... Я со стороны, чужесвинец... Командировашка.

– Что-о? В больницу командировали?

– Не-е... Прикатил я, дурак до пояса, в Оренбургию на знаменитые на Ваши газовые промыслы. Но судьбе, ей видней, угодно было пристегнуть меня к больничному борезжку. Очень нужно мне это, скажу я Вам. Ну как стоп-сигнал зайцу!

– Постойте, постойте... Это что же, со своим лотом в командировку?

– Со своим... В поезде, в гостинице вечерами, вот тут в больнице... Да знаете, как лото времечко кокает! Без лото я б с тоски давно-о лапоточки откинул. Но не про меня речь... Я слышал и песню про платок, и пропасть читал, в курсе даже про Жёлтое, «столицу оренбургских платков». Насколько я понял, в славу да в почёт круглый мастериц втакали ажурные паутинки, что первые добыли себе знак качества и свободно проходят в обручальное кольцо. Анна Фёдоровна, это на сам деле так? Или это сладкий художественный свист?¹⁹⁵ Ответьте Фоме неверующему.

Сняла я с плеч паутинку. Подаю ему.

– Натe, сизокрылый. Проверьте сами.

Лотошник сорвал с правой руки своё толстое, посредине с горбинкой, кольцо, поднял перед собой повыше глаз, чисто фокусник в цирке, и на красоту духом пропустил платок.

– Вот это ор-ригинальный номер! – в жарком восторге гаркнул он во всю больницу. – Да расскажи я дома – на веру не возьмут! Экий громадище ниточкой жикнул!

Всего-то один человек. А шуму пустозвонного, шуму... Черти делят горох тише.

---

¹⁹⁵ Художественный свист – слухи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.